

ТИПЫ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У КАНТА

Х.А. Лайхо¹

В этом эссе я уточняю типы содержания представлений, которые можно отнести к кантовским воззрениям на представление. Более специальная цель заключается в исследовании того, какие из этих типов содержания могут считаться возможными без применения понятий. Для ответа на этот вопрос я делаю следующее. Во-первых, я показываю, каким образом созерцание (в кантовском смысле) можно рассматривать как то, что дает индексальное содержание независимо от эмпирических понятий. Во-вторых, я показываю, в каком смысле порождение пространственного содержания может считаться не-категорическим. Ключевое различие состоит в том, что перцептуальное рассмотрение объекта может пониматься как целиком чувственное и частное, в то время как понятийное определение всегда схватывает объект посредством его обобщаемых качеств. В-третьих, я выдвигаю предположение, что чувственность и рассудок не только принципиально разделимы, но и их вклад в наличное познание также, в определенном смысле, различен. А значит, из понятийного определения объекта не следует, что объект перестает быть не-понятийно доступным для воспринимающего, и это далее наводит на мысль об автономии чувственности и ее перцептуального содержания. Наконец, я указываю на трудности в приписывании не-понятийного содержания представлений кантовской суждение-центристской позиции в отношении представления и опыта, и делаю это для того, чтобы подчеркнуть, как эти трудности с легкостью ведут к неправильному пониманию фундаментального кантовского различения чувственности и рассудка и их уникальных вкладов в познание.

Ключевые слова: категория, понятие, содержание, созерцание, Кант, чувственность, представление.

1. Введение

В кантоведении и за его пределами существует взгляд, согласно которому перцептуальное представление включает использование понятий. Один из подходов к решению этой проблемы — спросить, какие виды содержания представлений вообще возможны. Концептуалисты считают, что возможно

¹ Университет Турку, Финляндия, 20014, Турку.
Поступила в редакцию: 25.11.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-2
© Лайхо Х. А., 2019.

TYPES OF REPRESENTATIONAL CONTENT IN KANT

H. A. Laiho¹

In this essay, I specify types of representational content that can be attributed to Kant's account of representation. The more specific aim is to examine which of these types of content can be regarded as possible without the application of concepts. In order to answer the question, I proceed as follows. First, I show how intuition (in Kant's sense) can be seen as providing indexical content independently of empirical concepts. Second, I show in what sense the generation of spatial content can be regarded as non-categorical. A key distinction is that a perceptual examination of an object can be understood as thoroughly sensible and particular, whereas a conceptual determination always grasps the object via its generalisable features. Third, I propose that the faculties of sensibility and understanding are not only separable in principle, but that their contributions remain in a certain sense separate in actual cognition as well. This is to say that a conceptual determination of an object does not entail that the object ceases to be non-conceptually available to the perceiver, which further suggests the autonomy of sensibility and its perceptual content. Finally, I raise difficulties in attributing non-conceptual representational content to Kant's judgment-centered stance on representation and experience, only to emphasise how these difficulties easily lead to a misappreciation of Kant's fundamental distinction between sensibility and understanding and their unique cognitive contributions.

Keywords: category, concept, content, intuition, Kant, perception, representation.

1. Introduction

The view that perceptual representation involves the application of concepts emerges in and beyond Kant scholarship. A way to approach the issue is to ask what kinds of representational content are possible in the first place. Conceptualists

¹ University of Turku, 20014 Turku, Finland.
Received: 25.11.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-2
© Laiho H. A., 2019.

только понятийное содержание представлений, нонконцептуалисты это отрицают². Существуют различные варианты взглядов, которые можно было бы отнести к концептуализму или нонконцептуализму; множество различий было произведено в недавних обсуждениях³. Учитывая эти различия, мы можем придумать много видов концептуализма и нонконцептуализма, включая смешанные позиции, а потому неясно, насколько, в конце концов, полезны все эти разделения, не говоря уже о самих ярлыках «концептуализм» и «нонконцептуализм».

Также может показаться, что не весь труд, сделанный в рамках этих «измов», имеет своим предметом одно и то же. Так, например, хотя в кантоведческих дебатах на этот счет все и начиналось с проблемы содержания (см.: McDowell, 1996; Hanna, 2005), сложно сказать, чтобы содержание осталось в центре их внимания (см.: Allais, 2016, p. 4–5)⁴. Совсем недавно содержательный аспект был явно поставлен под вопрос (McLear, 2016). Возможно, кантовское учение о перцептуальных представлениях на самом деле лучше понимать в терминах отношения знакомства или, возможно, разговоры о содержании и знакомстве просто переводимы друг в друга. Как бы то ни было, есть еще одна сложность, которую нужно иметь в виду, приписывая Канту содержательный аспект. Теория представления Канта может быть рассмотрена как включающая несколько типов содержания (об этом подробно ниже). Некоторых из этих кандидатов на роль содержания легко счесть не-понятийными, в то время как других естественно будет считать понятийными. Вдобавок к этому неясно, какие из них сам Кант считал бы достаточными для по-настоящему содержательного представления.

² Краткое изложение истории эволюции этих споров можно найти в (Bermúdez, Cahen, 2015).

³ Например, было предположено, что (нон)концептуализм содержания и (нон)концептуализм содержания — разные вещи (Heck, 2000). Критический взгляд на это деление представлен в (Toribio, 2008). Содержание, в свою очередь, может рассматриваться как абсолютно или относительно (не-)понятийное (Hanna, 2008, p. 47–49; Speaks, 2005, p. 359–360). Кроме того, состав содержания можно отличать от обладания им, а обладание понятиями — от их использования (Crowther 2006, p. 249–252; Hanna, 2011, p. 336).

⁴ Основополагающая работа Ханна может рассматриваться как реакция на предположительно кантианский взгляд Макдауэлла на отношение «мир — сознание», но в то же время она вместе со статьей Венцеля (Wenzel, 2005) в действительности инициировала этот спор в кантоведении. Более ранние важные вклады включают работы Ханна (Hanna, 2001) и Роза (Rohs, 2001). См. также, например: (Allais, 2009; Ginsborg, 2008; Gomes, 2014; Griffith, 2012; Grüne, 2009; Hanna, 2008; McDowell, 2009; McLear, 2015; Tolley, 2013; Tomaszewska, 2008).

hold that only conceptual representational content is possible. Non-conceptualists deny this.² There are variants of views that can be called conceptualist or non-conceptualist; in the recent discussion, plenty of distinctions have been made.³ With all the distinctions in place, we could come up with many kinds of conceptualism and non-conceptualism, including mixed positions, which is why it is unclear how helpful all these distinctions are in the end, not to mention the labels ‘conceptualism’ and ‘non-conceptualism’ themselves.

It also seems that not all the work done on the two isms deal with exactly the same subject matter. In the Kantian debate on the matter, for example, though it all started with the issue over content (see esp. McDowell, 1996; Hanna, 2005), content hardly remained a central focus in the debate (see Allais, 2016, pp. 4-5).⁴ More recently, the content view has been questioned explicitly (McLear, 2016). Perhaps Kant’s account of perceptual representation is indeed better understood in terms of acquaintance relation, or perhaps acquaintance- and content-talk are simply intertranslatable. However that might be, there is a further complication to be considered when attributing the content view to Kant. Kant’s theory of representation can be seen as containing several types of content (to be specified below). Some of these candidates for content are easy to treat as non-conceptual, while it is natural to treat others as conceptual. On top of that, it is not clear which of them Kant himself would count as sufficient for genuinely contentful representation.

² For a compact story of the evolution of this controversy, see Bermúdez & Cahen, 2015.

³ For example, it has been suggested that it is one thing to speak of state-(non-)conceptualism, and quite another thing to speak of content-(non-)conceptualism (Heck, 2000; for a critical view of this distinction, see Toribio, 2008). Content, in turn, can be regarded either as absolutely or relatively (non-)conceptual (Hanna, 2008, pp. 47-49; Speaks, 2005, pp. 359-360). In addition, the composition of content can be distinguished from the possession of content, and concept-possession from concept-use (Crowther 2006, pp. 249-252; Hanna, 2011, p. 336).

⁴ Hanna’s seminal paper can be seen as a reaction to McDowell’s supposedly Kantian view on the mind-world relation, but it also really brought the debate to Kant scholarship, together with Wenzel’s 2005 paper. Earlier important contributions include Hanna, 2001, and Rohs, 2001. See also e.g. Allais, 2009; Ginsborg, 2008; Gomes, 2014; Griffith, 2012; Grüne, 2009; Hanna, 2008; McDowell, 2009; McLear, 2015; Tolley, 2013; Tomaszewska, 2008.

В этом эссе я рассмотрю, как идея не-понятийного содержания соотносится с кантовским учением о перцептуальных представлениях, несмотря на то, что упомянутые проблемы. Изначальное предположение заключается в том, что учение Канта может быть успешно проанализировано в терминах содержания представлений. Например, сказать, что вы воспринимаете дерево, значит сказать, что вы находитесь в таком перцептуальном состоянии, которое представляет или делает для вас возможным представить вашу непосредственную среду как показывающую определенным образом выглядящий объект, расположенный в определенном месте. Содержание этого восприятия, по сути, есть способ представления вашего непосредственного окружения этим определенным объект-специфическим образом. Другое предположение заключается в том, что любое перцептуальное представление частного объекта есть пример того, что Кант называет эмпирическим созерцанием⁵. Главный вопрос заключается в том, возможен ли такой вид содержания представлений, согласно Канту, без приложения понятий.

2. Представление без мышления: эмпирические созерцания без эмпирических понятий

Позвольте мне начать с указания на то, в каком смысле перцептуальное представление (то есть эмпирическое созерцание) можно считать не-понятийным содержанием с точки зрения Канта. Самый важный момент в этом разделе заключается в том, что представление как таковое, в том смысле, который придает ему Кант, не обязательно должно рассматриваться как использование понятий, или мышление. Более того, нам следует иметь в виду, что только созерцание, согласно Канту, может связать нас с индивидуальными перцептуальными объектами.

В «Критике чистого разума» Кант утверждает, что «возможно лишь одно употребление рассудком... понятий: через их посредство он осуществляет суждение» (A 68 / B 93; Кант, 2006а, с. 157). И действительно, он определяет рассудок как способность судить и *мыслить*, а мышление есть действие ума и конкретизируется им как «познавание через понятия» (A 69 / B 94; Кант, 2006а, с. 159). В общем,

⁵ Я не утверждаю, что восприятия — это просто эмпирические созерцания или что эти термины тождественны. Иногда Кант отождествляет их (см., например: AA 04, S. 283; Кант, 1994б, с. 37–38), а иногда нет (см., например: B 162; Кант, 2006а, с. 239). В общем, похоже, что он использует эти и некоторые родственные термины по-разному в разных контекстах.

In this essay, I examine how the idea of non-conceptual content fits Kant's account of perceptual representation despite the just-mentioned worries. The initial assumption is that Kant's account can be successfully analysed in terms of representational content. For example, to say that you perceive a tree is to say that you are in such a perceptual state that represents, or makes it possible for you to represent, your immediate environment as featuring an object that is located in a certain place in relation to you, looking a certain way. The content of your perception is, basically, the way of representing your immediate environment in this particular object-specific manner. Another assumption is that any such perceptual representation of a particular object is an instance of what Kant calls empirical intuition.⁵ The main question is whether the kind of representational content just described is possible without the application of concepts according to Kant.

2. Representing without Thinking: Empirical Intuitions without Empirical Concepts

Let me start by showing in what sense perceptual representation (i.e. empirical intuition) can be treated as non-conceptual content in Kant's view. The most crucial element in this section is that representing as such does not need to be regarded as concept-use or thinking in Kant's demanding sense of the term. Moreover, we should keep in mind that according to Kant only intuition can connect us with individual perceptual objects.

Kant states in the *Critique of Pure Reason* that “understanding [*Verstand*] can make no other use of [...] concepts than that of judging by means of them” (*KrV*, A 68 / B 93; Kant, 2000a, p. 205). Indeed, he defines the whole faculty of understanding accordingly as a faculty of judging and *thinking* (*Denken*), which action of the mind he specifies as “cognition through concepts [*Begriffe*]” (*KrV*, A 69 / B 94; Kant, 2000a, p. 205). In all, Kant can be seen as tying judgment-making and concept-use together.

⁵ I am not saying that perceptions are empirical intuitions *tout court* or that the two terms are identical. Sometimes Kant does identify perception with empirical intuition (e.g. *Prol*, AA 04, p. 283; Kant, 2002b, p. 79). Sometimes he does not (e.g. *KrV*, B 162; Kant 2000a, p. 262). In all, he seems to use the two terms and a number of related terms slightly differently in different contexts.

мы можем считать, что Кант связывает суждение и использование понятий с мышлением так крепко, что ни один другой вид познавательной или представляющей деятельности не должен отождествляться с мышлением. *Созерцание* для Канта — такая представляющая деятельность, или вид представления, который может «существовать... раньше, чем мы нечто помыслим» (В 67; Кант, 2006а, с. 129, см. также: В 132; Кант, 2006а, с. 203). Созерцание как таковое есть не-понятийное представление по определению: это не понятие, а непосредственное, дающее объект представление чувственности (А 15 / В 29; Кант, 2006а, с. 83–85; А 19 / В 33; Кант, 2006а, с. 89).

Типичный вывод концептуалистов по этому вопросу состоит в том, что ни мысли (понятия), ни созерцания не могут играть свои роли в представлении сами по себе (см. McDowell, 1996; Gunther, 2003, p. 1). Кант, как известно, считал, что мысль, лишённая созерцания, пуста (А 51 / В 75; Кант, 2006а, с. 139). Это означает, по сути, что понятие, вовлечённое в такую мысль, не имеет отношения к чувственному объекту⁶. В том же духе созерцание как что-то, что предположительно должно обеспечивать отношение к чувственному объекту, делать мысль содержательной, слепо, если только не подведено «под понятия» (там же).

Но действительно ли слепота созерцаний означает то, что о ней обычно думают, а именно — что независимое от понятий перцептуальное представление невозможно? Я так не думаю, и я в этом отношении не одинок (см., например: Allais, 2009, p. 395; Burge, 2010, p. 154–155; Hanna, 2005, p. 257; Tolley, 2013, p. 127). На мой взгляд, этими слепыми созерцаниями и пустыми мыслями Кант хочет указать на следующее. С одной стороны, рассудок должен постоянно обращаться к чувственности, чтобы избежать платонического летания «на крыльях идей» (А 5 / В 9; Кант, 2006а, с. 59), которые для Канта — понятия, не имеющие отношения к чувственным объектам (см., например: А 336 / В 393; Кант, 2006а, с. 503). С другой стороны, для мышления об объектах одного лишь созерцания недо-

⁶ Например, можно представить, что субъект думает о чём-то в абстрактной манере, без иллюстраций или конкретных примеров, хотя он или она с тем же успехом могли бы делать это с ними (см. анатомический пример в третьей «Критике»: АА 05, S. 343; Кант, 2001а, с. 495). Или, например, когда просто нет доступного созерцания для понятия, выраженного мыслью, либо потому, что у нас нет средств для предоставления пространственно-временного примера для нее, либо потому, что не может быть соответствующего чувственного созерцания даже в принципе.

er with thinking so tightly that any other kind of cognitive or representational activity should not be identified with thinking. *Intuiting* (*Anschauung*) for Kant is such a representational activity or a kind of representing that can “precede any act of thinking” (*KrV*, В 67; Кант, 2000а, p. 189; see also *KrV*, В 132; Кант 2000а, p. 246). As such, intuition is a non-conceptual representation by definition: it is not a concept, but an immediate object-providing representation of sensibility (*Sinnlichkeit*) (*KrV*, А 15 / В 29; Кант, 2000а, p. 135; А 19 / В 33; Кант, 2000а, p. 155).

A typical conceptualist observation at this point is that neither thoughts (concepts) nor intuitions can play their representational roles on their own (see esp. McDowell, 1996, and Gunther, 2003, p. 1). Kant famously regards a thought that lacks intuition as empty (*KrV*, А 51 / В 75; Кант, 2000а, p. 193). This means, basically, that the concept involved in such a thought has no relation to a sensible object.⁶ In the same vein, intuition, as something that is supposed to secure the relation to a sensible object, to make the thought contentful, is blind if it is not brought “under concepts” (*KrV*, А 51 / В 75; Кант, 2000а, p. 194).

But does the blindness of intuitions really mean what it has been commonly taken to mean, namely that concept-independent perceptual representation is impossible? I think not, and I am not alone in this (see also e.g. Allais, 2009, p. 395; Burge, 2010, pp. 154-155; Hanna, 2005, p. 257; Tolley, 2013, p. 127). Instead, as I see it, with his blind intuitions and empty thoughts, Kant wants to underline the following. On the one hand, understanding must constantly turn to sensibility to avoid Platonic flying “on the wings of the ideas” (*KrV*, А 5 / В 9; Кант, 2000а, p. 129), which for Kant are concepts that have no relation to sensible objects (see e.g. *KrV*, А 336 / В 393; Кант 2000а, p. 406). On the other hand, more than mere intuition is required for thinking about objects. This is because the senses do not judge (see e.g. *Anth*, АА 07, p. 146; Кант, 2009, p. 258) and because any use of understanding that is not supported by intuitions lacks access to worldly objects. So,

⁶ For example, it could be the case that the subject thinks of something in an abstract fashion, without illustration or concrete example, although he or she could just as well do so (see the anatomist example in the third *Critique*: *KU*, АА 05, p. 343; Кант, 2000b, p. 218). Or it could be the case that there simply is no intuition available for the concept expressed by the thought, either because we lack the means of providing a spatiotemporal instance for it or because there could not be a matching sensible intuition even in principle.

статочно, поскольку чувства не выносят суждения (см., например: AA 07, S. 146; Кант, 1994в, с. 163–164) и поскольку любое использование рассудка, не подкрепленное созерцаниями, лишено доступа к объектам мира. Таким образом, когда Кант говорит о рассудке и чувственности как о разных, но взаимодополняющих способностях, он указывает на ошибки при принятии или эмпиризма, или рационализма. В то время как эмпирик вроде Локка отдает слишком важную роль чувствам, рационалист вроде Лейбница ошибочно считает один лишь интеллект способным к суждениям, которые могут установить истины о мире. В общем, и эмпирики и рационалисты неправильно понимают, что значит «давать объективно значимые суждения о вещах» (A 271 / B 327; Кант, 2006а, с. 429; см. также: Hanna, 2001, p. 202–203).

Однако я не нашел в текстах Канта ничего о том, что указало бы на равенство (условий) объективного суждения и (условий) чувственного представления как такового. Несмотря на то что приложение понятий непременно было бы абсолютно необходимым условием объективного суждения, Кант прямо утверждает, что мы можем созерцать без приложения понятий к объекту созерцания. Следующие фрагменты говорят об этом особенно явно:

Можно нечто созерцать, не мысля при этом или под этим что-либо (AA 17, S. 620, №4636).

Логическая ясность, как небо от земли, отличается от эстетической, и последняя имеет место, хотя мы вовсе не представляем предмет посредством понятий (AA 20, S. 227 Anm.; Кант, 2001б, с. 901).

[М]ы... можем... что-то представлять себе как данное, хотя бы мы не имели об этом никакого понятия (AA 05, S. 402; Кант, 2001а, с. 629).

Ибо существует *ясность* в созерцании, то есть в представлении отдельного... которая может быть названа *эстетической* и которая совершенно отлична от *логической*, понятийной (подобно тому, как если бы новоголландский дикарь впервые увидел бы дом и был бы настолько близок к нему, чтобы различать его части, но не имел бы, однако, никакого понятия о нем) (AA 08, S. 217 Anm.; Кант, 1993, с. 144).

Если, например, дикарь издали видит дом, назначения которого он не знает, то он, конечно, имеет перед собой в представлении тот же самый объект, что и кто-нибудь другой, определенно знающий его как приспособленное для людей жилище. Но по форме это знание одного и того же объекта у обоих различно. У одного оно есть *только созерцание*, у другого *созерцание* и одновременно *понятие* (AA 09, S. 33; Кант, 1994г, с. 289).

when Kant regards understanding and sensibility as distinct yet complementary faculties, he points out the mistakes of taking either empiricism or rationalism too far. Whereas an empiricist such as Locke gives too prominent a role to senses, a rationalist such as Leibniz falsely takes mere intellect as capable of judgments that can establish truths about the world. In brief, both empiricists and rationalists misconceive what it takes to “judge about things with objective validity” (*KrV*, A 271 / B 327; Kant, 2000a, p. 372; see also esp. Hanna, 2001, pp. 202-203).

Yet there is nothing I have found in Kant’s texts that would indicate that (the conditions of) objective judgment equals (the conditions of) perceptual representation as such. While the application of concepts would of course be an absolutely necessary requirement of objective judgment, Kant explicitly holds that it is possible to intuit without applying concepts to the object of intuition. The following pieces of text are particularly telling in this respect:

One can intuit something without thinking something thereby or thereunder (*Refl* 4636, AA 17, p. 620; Kant, 2005a, p. 151).

Logical distinctness is also totally different from aesthetic distinctness, and the latter can obtain even though we do not represent the object (*Gegenstand*) to ourselves by means of concepts at all [...] (*EEKU*, AA 20, p. 227n; Kant, 2000c, p. 29).

[W]e can [...] represent something as given even though we do not have any concept of it (*KU*, AA 05, p. 402; Kant, 2000b, p. 272).

For there is also a *distinctness* in the intuition, and hence also in the representation of the individual [...] which may be called *aesthetic* and is quite different from *logical* distinctness through concepts (supposing an Australian aborigine, for example, were to see a house for the first time, and was near enough to distinguish all its parts, though without having the least concept of it) [...] (*ÜE*, AA 08, p. 217n; Kant, 2002a, p. 308).

If a savage sees a house from a distance, for example, with whose use he is not acquainted, he admittedly has before him in his representation the very same object (*Objekt*) as someone else who is acquainted with it determinately as a dwelling established for men. But as to form, this cognition of one and the same object (*Objekts*) is different in the two. With the one it is *mere intuition* [*bloße Anschauung*], with the other it is *intuition and concept* at the same time (*Log*, AA 09, p. 33; Kant, 2004, pp. 544-545).

Из этих пассажей мы можем взять следующее. Созерцать дом значит видеть дом — обратите внимание, как во фрагменте из «Логике» Йеше виденье предполагает, что наблюдатель имеет «перед собой в представлении» объект, что, в свою очередь, подразумевает, что наблюдатель имеет созерцание объекта. Однако виденье дома не обязательно включает восприятие дома *как* дома, понимаемое как представление вещи через понятие дома. Очевидно, не знакомый с домами человек не обладает понятием дома и, следовательно, не может воспринимать дом как дом в этом смысле. Так же очевидно, что он не может проанализировать содержание своего восприятия в соответствии со знаками домов (окнами, дверьми и т. д.), то есть сделать свое представление дома более различимым в этом смысле. Но, как подтверждают цитаты из работ «Об одном открытии...» и «Первое введение...», он все же смог бы сделать свое восприятие *эстетически* более различимым. Однако важнее всего то, что вышеупомянутые ограничения познавательной способности не мешают ему перцептуально, или «созерцательно», осознавать наличие перед ним конкретной вещи.

Напротив, одного созерцания, кажется, достаточно для решения фундаментальной познавательной задачи внешнего восприятия, а именно — задачи помещения наблюдателя в отношение с объектом в пространстве. Соответственно, можно использовать термин «явление» и делать акцент на том, как «явления могут быть даны в созерцании без функций рассудка» (A 90 / B 122; Кант, 2006а, с. 191) и почему «действительное присутствие предмета» (A 50 / B 74; Кант, 2006а, с. 137) не зависит от понятий⁷. Фразы «не имел бы, однако, никакого понятия», «вовсе не представляем предмет посредством понятий», «хотя бы мы не имели об этом никакого понятия» в процитированных выше фрагментах наиболее информативны в этом аспекте.

Все вышесказанное поддерживается еще и взглядами Канта на образование эмпирических понятий. Например, в «Венской логике» Кант, как сообщается, сказал следующее:

Тот, кто хотел бы сперва получить представление о красном цвете, должен был бы увидеть красный цвет. Однако когда он сравнил бы красный цвет киновари, кармуазина и понсо, он понял бы, что есть нечто

⁷ См. также у Беатрис Лонгнес (Longuenesse, 2000, p. 24) идею о том, что что-то все равно имеется, а именно то, что она называет *дообъектным объектом*, даже если полноценная «объектность» требует большего.

From such passages we can gather the following. To intuit a house is to see a house — notice how in the *Jäsche Logic* passage seeing implies that the perceiver has “before him in his representation” an object, which in turn implies that the perceiver has an intuition of that object. However, to see a house does not need to involve perceiving the house *as* a house, understood as representing the thing under the concept of house. Obviously, a person unfamiliar with houses does not possess the concept of house and thus cannot perceive the house as a house in this sense. Equally obviously, he cannot analyse the contents of his perception according to the marks of houses (windows, doors, etc.), that is, make his representation of the house more distinct in this sense. But as the quotes from *On a Discovery* and “First Introduction” verify, he would still be able to make his perception *aesthetically* more distinct. Most importantly, however, the aforesaid cognitive limitations do not preclude him being perceptually or “intuitively” aware of the particular thing before him.

On the contrary, mere intuition appears to be quite sufficient for fulfilling the fundamental cognitive task of outward perception, namely that of putting the perceiver in relation with a spatially located object. Relatedly, one could employ the term ‘appearance’ (*Erscheinung*) and emphasise how “appearances can certainly be given in intuition without functions of the understanding” (*KrV*, A 90 / B 122; Kant, 2000a, p. 222) and how “the actual presence of the object [*die wirkliche Gegenwart des Gegenstandes*]” (*KrV*, A 50 / B 74; Kant, 2000a, p. 193) is not dependent on concepts.⁷ In the above quoted passages, phrases “without having the least concept”, “do not represent the object (*Gegenstand*) to ourselves by means of concepts at all”, and “even though we do not have any concept of it” are the most telling ones in this respect.

All of the above is further supported by Kant’s view of empirical concept formation. For example, in the *Vienna Logic* Kant is reported to have said this:

He who wished to have a representation of the colour red first had to see the colour red. When he compared the colour red in the red of cinnabar, *carmoisin*, and *ponceau*, however, he became aware that there is something general in the colour red,

⁷ See also Longuenesse, 2000, p. 24, for the idea that there is nevertheless something present — what she calls *preobjective object* — even if full-blown “objecthood” might require more than that.

общее в красном цвете, содержащееся и в других представлениях о красном цвете, и он мыслил бы красным то, что есть общее у многих предметов, и это было бы понятием (AA 24, S. 904–905).

Здесь Кант имеет в виду идею здравого смысла, согласно которой понятия формируются на основе эмпирических представлений и не являются — и на самом деле не могут являться — понятиями самими по себе. Сначала мы видим красные вещи, потом начинаем узнавать в них единую цветовую особенность и в конце концов приходим к абстрактному понятию красности, которое можем использовать независимо от наличия красных объектов. В более позднем конспекте лекции Кант оказывается близок к тому, чтобы сказать, что это действительно очевидно: «Разумеется, что-то предшествует тому, чтобы представление стало понятием» (AA 09, S. 33–34; Кант, 1994г, с. 289).

Вполне вероятно, что такие до-понятийные представления включают не только восприятия цветов и других сенсорных качеств, но также и восприятия собственно объектов, как подсказывает пример с домом. Особенно важно то, что Кант не думает, будто нам нужно взять «то, что имеется общего в различных опытных представлениях» (AA 24, S. 905), чтобы изначально представлять что-либо. На самом деле, будь оно так, взгляды Канта на приобретение понятий доказывались бы через порочный круг.

Что важно, созерцание не есть прием чувственных данных, каузальный триггер или ввод данных восприятия (см.: Falkenstein, 1995, p. 359; McDowell, 1996, p. 4). Вместо этого созерцание — это представление, а именно тот вид представления, благодаря которому мы можем быть в отношении с индивидуальными объектами. В современных разговорах о содержании *индексальное содержание*, взятое перцептуально, может стать подходящим термином для описания того, что происходит в субъекте на созерцательном уровне познания в кантовском смысле. Продолжая пример Канта с восприятием дома, можно сказать, что оба наблюдателя обладают одинаковым индексальным содержанием независимо от понятий до тех пор, пока они видят один и тот же дом⁸.

⁸ Подчеркнем, что вышесказанное имеет место только в том случае, если нам разрешено воспринимать индексальное содержание строго перцептуально. Это означает по крайней мере две вещи. Во-первых, созерцания не следует рассматривать как единичные термины (см., например: Hintikka, 1969). Во-вторых, и в связи с этим, «этойность» созерцания должна рассматриваться не лингвистически (то есть так, как обычно понимается индексал «этот»), а просто как указывающая на то, что субъект находится в таком перцептуальном состоянии, которое заставляет его представлять его непосредственную пространственно-временную среду как вклю-

that is contained along with other things in other representations of the colour red, and he thought by red that which was common to many objects (*Gegenstände*), and this was a concept (*V-Lo/Wiener*, AA 24, pp. 904-905; Kant, 2004, pp. 348-349).

What Kant suggests here is the rather common-sense idea that concepts are formed on the basis of empirical representations that are not, and indeed cannot be, concepts by themselves. First we see red things, then we start to recognise that they all share the same colour feature, and eventually come up with the abstract notion of redness that we can also employ independently of the presence of red objects. In a later lecture note, Kant comes close to saying that this much is indeed obvious: “Something precedes, of course, before a representation becomes a concept” (*Log*, AA 09, pp. 33-34; Kant, 2004, p. 545).

It is plausible to think that such pre-conceptual representations include not just perceptions of colours and other sensory qualities, but genuine object perceptions as well, as suggested by the house example. Most importantly, Kant hardly thinks that we would need to “take that which is common to various empirical representations” (*V-Lo/Wiener*, AA 24, p. 905; Kant, 2004, p. 349) in order to represent in the first place. In fact, were that the case, Kant’s account of concept-acquisition would become circular.

Crucially, intuition is not a sensory intake, causal trigger or perceptual input (*cf.* Falkenstein, 1995, p. 359; McDowell, 1996, p. 4). Instead, intuition is a representation: namely, the kind of representation thanks to which we can be related to individual objects. In contemporary content-talk, *indexical content*, taken perceptually, might be a fitting term to describe what goes on in the subject at the intuitive level of cognition in Kant’s sense. To continue with Kant’s house perception example, both of the perceivers possess the same indexical contents, and this independently of concepts, as long as they both see the very same house.⁸

⁸ Let it be emphasised that the aforesaid only holds if we are allowed to take indexical content strictly perceptually. This means at least two things. Firstly, intuitions should not be treated as singular terms (*cf.* e.g. Hintikka, 1969). Secondly, and relatedly, the “thatness” of intuition should not be treated linguistically (i.e. the way the indexical ‘that’ is usually understood) but as merely indicating that the subject is in such a perceptual state that makes her represent her immediate spatiotemporal environment as featuring a specific object — some-

3. Представление без мышления: не-категориальный синтез

Вышесказанное подразумевает, что эмпирические понятия, такие как понятие дома, не необходимы, согласно Канту, для перцептуального представления, особенно если мы понимаем содержание перцептуального представления только индексальным или демонстративным образом. Но все же можно утверждать, что чистые понятия рассудка, или *категории*, должны быть приложены даже в тех случаях, когда использование понятий в вышеобозначенном смысле не имеет места. Далее я попробую опровергнуть это замечание.

Предположим, что мы приписываем красный цвет стоящему перед нами дому. Уместно считать, что этот мыслительный акт возможен благодаря категории *substantia et accidens*⁹. Это происходит потому, что эту категорию можно рассматривать как предварительное условие любого представления такой формы, а именно акта мышления, в котором нечто преддицируется самостоятельно существующей вещи как одно из ее более или менее случайных качеств. Та же самая категория в качестве крайне абстрактного понятия просто выражает то общее, что есть в каждом отдельном случае такого преддицирования. Другими словами, категория выражает элемент познания, который остается неизменным, несмотря на различия в эмпирических обстоятельствах, включая эмпирические понятия, которыми мы обладаем и которые используем. Такие структурные, или постоянные, особенности наших мыслей можно было бы назвать их *категориальными содержаниями*, предполагая, что мы ограничиваем значение термина до содержаний, относящихся к категориям, и исключаем из него то, что Кант называет «модусами чистой чувственности» (A 81 / B 107; Кант, 2006а, с. 175).

Означает ли это, что для того, чтобы изначально представить дом, мы действительно должны представить его как пример субстанции? Едва ли.

чающую в себя определенный объект, то есть что-то, что он может отследить и на что может указать. Еще один вопрос: как следует понимать кантовское созерцание перспективы? Можно, например, утверждать, что если воспринимающие смотрят на объект с разных точек, то их отношение к объекту различно только в силу различающихся точек зрения и, следовательно, индексальные содержания их восприятий также будут различными. Однако я не думаю, что это основная идея созерцания. Скорее это тот случай, когда на созерцании основывается ссылка, в данном случае на то, к чему можно приложить понятие дома, или лингвистическое индексальное «этот».

⁹ Присущность и самостоятельное существование (лат.).

3. Representing without Thinking: Non-Categorical Synthesis

What has been said thus far implies that empirical concepts, such as the concept of house, are not necessary for perceptual representation according to Kant, especially if we understand the content of perceptual representation in a purely indexical or demonstrative manner. Still, it can be argued that the pure concepts of understanding or *categories* have to be applied even in such cases where concept-use in the aforementioned sense does not take place. Next, I will try to undermine this objection.

Suppose we attribute red colour to the house before us. It is plausible to hold that the category of *substantia et accidens* makes this thought-act possible. This is because the category can be seen as the precondition of every representation of the same form: namely, the act of thinking in which something is predicated of a subsisting thing as one of its more or less accidental properties. The very same category, as a highly abstract concept, simply expresses what is common to every instance of such predication. To put it differently, the category expresses the cognitive element that stays the same regardless of the differences in empirical circumstances, including the empirical concepts we happen to possess and use. Such structural or constant features of our thoughts might be called their *categorical contents*, assuming one limits the term to category-related contents and excludes what Kant calls “*modi of pure sensibility*” (*KrV*, A 81 / B 107; Kant, 2000a, p. 213).

Does this mean that in order to represent the house in the first place, we must actually represent it as an instance of Substance? Hardly. In fact, it seems that Kant’s way of approaching the matter is quite the opposite: in order to really apply Substance to anything, we must be able to intuit particular things, the sensible conditions of which also provide the

---

thing she can track and point to, basically. A further question is how perspectively Kantian intuitions should be understood. One could argue, for instance, that given that different perceivers look at the object from different locations, their relation to the object is different simply due to their differing points of view, and hence, perceptually speaking, their indexical contents must also be different. I do not think this is the core idea of intuition, however. It is rather the case that intuition grounds reference — in this case, that to which the linguistic indexical ‘that’ and the concept of house can be applied.

В действительности представляется, что кантовский подход к этом вопросу как раз противоположный: для того, чтобы приложить категорию самостоятельного существования к чему-либо, мы должны быть способны созерцать отдельные вещи, чувственные условия которых также предоставляют условия, необходимые для приложения категории самостоятельного существования и других понятий *a priori*. Кант указывает в черновике своего письма к Иоганну Генриху Тифтунку, датированного 13 октября 1797 г., в котором, на мой взгляд, в значительной степени определяется его методологическая позиция по этому вопросу:

Я хотел бы лишь заметить по этому поводу, что когда он [Бек] исходит из категорий, он занимается лишь формой мышления, понятиями без предмета, которые пока лишены всякого значения. Естественнее начинать с *данного*, с созерцаний, поскольку они возможны *a priori* и в синтетических априорных положениях передают не что иное, как явления объектов (AA 13, S. 463).

Следующий вопрос заключается в том, можем ли мы обладать категориальными понятиями без посредничества эмпирических понятий. Учитывая то, что нам требуются эмпирические понятия для того, чтобы судить об эмпирических объектах и их свойствах, напрашивается негативный ответ. На самом деле, если думать значит составлять суждения, а составлять суждения значит применять эмпирические понятия, то категории в конечном итоге должны быть предварительным условием приложения эмпирических понятий к эмпирическим созерцаниям, а не к перцептуальным представлениям как таковым. Отсюда следует, как кажется, что до тех пор, пока категории прикладываются к объектам, эмпирические понятия также должны прикладываться (и наоборот), но если эмпирические понятия не необходимы для перцептуальных представлений, то и категории не могут быть для них необходимыми.

Тут читающий Канта концептуалист, скорее всего, будет настаивать на том, что для перцептуального представления необходима сама категориальная структура. Например, он или она может указать на то, что дом должен быть понимаем в терминах самостоятельного существования, чтобы вообще быть для нас объектом. Это, однако, не опровергает утверждение о возможности самостоятельного перцептуального представления без приложения категорий. Всё, о чем говорит концептуалистский контраргумент, сводится к необходимости существования соответствия между нашими восприятиями (созерцаниями) и суждениями (мыс-

conditions for applying Substance and other a priori concepts. As he points out in the draft of his letter to Johann Heinrich Tieftrunk, dated 13 October 1797, which I believe pretty much defines Kant's methodological stance regarding the matter at hand:

Let me only remark on this point that when he [i.e. Beck] proposes to start out with the categories he is busying himself with the mere form of thinking, that is, concepts without objects (*Gegenstand*), concepts that as yet are without any meaning. It is more natural to begin with the *given*, that is, with intuitions insofar as these are possible a priori, furnishing us with synthetic a priori propositions that disclose nothing but the appearances of objects (*Objekte*) (*Br*, AA 13, p. 463; Kant, 1999, p. 527).

A further question is whether we can be in possession of categorial contents without the mediation of empirical concepts. Given that we need empirical concepts in order to judge about empirical objects and their properties, the answer seems negative. Indeed, if to think is to judge, and if to judge is to apply empirical concepts, the categories must ultimately precondition the application of empirical concepts to empirical intuitions, not perceptual representation as such. Hence, as long as the categories are applied to objects, it seems that empirical concepts must be applied as well (and vice versa), but if empirical concepts are not necessary for perceptual representation, neither can categories then be necessary for perceptual representation.

At this point, a conceptualist reader of Kant tends to insist that the categorial framework itself is nevertheless necessary for perceptual representation. For example, he or she might point out that the house must be understandable in terms of Substance in order to be an object for us at all. This, however, would not refute the claim that there can be self-standing perceptual representation without the application of the categories. All the conceptualist counterargument really claims is that there must be a fit between our perceptions (intuitions) and judgments (thoughts), otherwise appearances could be such that they could not be thought and judged about, whereby the objectivity of the categories would be lost (e.g. Griffith, 2012, pp. 7-8). However, even if appearances were necessarily subsum-

лями), в противном случае мы не смогли бы думать и судить о явлениях, а из-за этого объективность категорий была бы потеряна (см., например: Griffith, 2012, p. 7–8). Однако даже если бы явления были с необходимостью отнесены к категориям — и это кажется очевидным независимо от того, успешно кантовское доказательство этого вопроса или нет, — это никоим образом не исключает возможности для субъекта быть в таком репрезентативном состоянии, в котором явления не относятся к категориям. Проще говоря, из приложимости категорий никоим образом не следует их действительное приложение.

Известно, что двенадцать категорий понимаются как понятия синтеза (A 80 / B 106; Кант, 2006а, с. 173). Более того, кажется, что перцептуальное представление, будучи зависимым от воображения, должно включать в себя синтез в определенном смысле (A 120 Anm.; Кант, 2006б, с. 173 сл.). Следовательно, может показаться, что перцептуальное представление крепко связано с категориями, как и любое действие синтеза. Можно даже утверждать, что само понятие у Канта двойко: понятийное представление можно рассматривать или как составную часть суждения, связанную с отношением [к категории], или как нечто отвечающее за упорядочивание чувственных представлений еще до суждения (см., например: Allison, 1973, p. 64–65; Longuenesse, 2000, p. 61–64, 86–90)¹⁰. Этот интерпретативный маневр кажется несовместимым с выше процитированной идеей о том, что рассудок может использовать понятия только в суждениях, но предположим ради спора, что здесь это не проблема. Если это так, тогда то, что мы только что предположили, будет истинным только для относящегося к категориям использования понятий: даже если не-понятийное индексальное содержание было бы возможным до тех пор, пока речь идет о действительном отношении объекта к эмпирическим понятиям, все равно для придания объекту какого-либо смысла нам могут понадобиться категории. Например, когда наблюдатель, не знакомый с домами, задается вопросом «Что это за вещь передо мной?», он ищет свойства объекта и, занимаясь этим, он также рассматривает объект как обладающий структурой *части-целое*. Подобные познавательные действия вполне обоснованно считать случаями приложения таких категорий, как субстанция и целокупность.

¹⁰ Альтернативная концептуалистская в широком смысле стратегия состояла бы в том, чтобы утверждать, что, хотя перцептуальное содержание не обязано включать категории в ясном или явном виде, они тем не менее присутствуют в любом возможном перцептуальном содержании неясным или неявным образом, руководя каждым возможным синтезом (см. особенно: Grüne, 2009, S. 27 и др.).

able under the categories — and this much seems obvious, whether Kant's argumentation to that end is thoroughly successful or not — this would not in any way rule out the possibility that the subject can be in such a representational state in which the appearances are not subsumed under the categories. Simply put, in no way does the applicability of the categories entail their actual application.

Now, the twelve categories are also known as the concepts of synthesis (*KrV*, A 80 / B 106; Kant, 2000a, p. 213). It moreover seems that even perceptual representation, being dependent on imagination, must involve synthesis in some relevant sense (*KrV*, A 120n; Kant, 2000a, p. 239n). Therefore, it may seem that perceptual representation is intimately bound to the categories just like any act of synthesis. What is more, it can be argued that Kant's notion of concept is twofold. Conceptual representation can be seen either as a constituent of judgment, having to do with subsumption, or as something that answers for the ordering of sensible representations already at pre-judgmental level (e.g. Allison, 1973, pp. 64-65; Longuenesse, 2000, pp. 61-64, 86-90).⁹ This interpretative move does not seem to be compatible with the above-cited idea that understanding can only use concepts in judging, but let's assume for argument's sake that here there is not a problem. If this is so, then what we have suggested thus far seems to hold true only for subsumptive concept-use: even if non-conceptual indexical content were possible in so far as the actual subsumption of the object under empirical concepts is concerned, it could still be the case that in order to make any sense of the object, one needs the categories. For example, when the perceiver not familiar with houses wonders *What is this thing before me?* he looks for the properties of the object, and when he does that, he also regards the object as possessing a parts-whole structure. Such cognitive undertakings can be plausibly regarded as instances of the application of categories such as Substance and Totality.

I cannot go into all the issues that come up at this juncture in a single article. So, let me just ex-

⁹ An alternative broadly conceptualist strategy would be to argue that even though perceptual content does not need to involve the categories in a clear or explicit fashion, the categories are nevertheless present in any possible perceptual content in an obscure or implicit fashion, guiding every possible synthesis (see esp. Grüne 2009, p. 27 and *passim*).

Я не имею возможности исследовать в одной статье все проблемы, возникающие в этой связи. Поэтому позвольте мне просто объяснить, как можно понимать не-понятийное перцептуальное представление в терминах синтеза, несмотря на то, что некоторые работы Канта, казалось бы, подразумевают невозможность таких представлений. Я начну с того, что подчеркну различие, которое, по моему мнению, не получило достаточного внимания в литературе, а именно — что исследование того, как объект выглядит (если говорить о зрении), и того, какими обобщаемыми свойствами обладает, — разные вещи.

На каком основании Кант говорит в первых частях «Трансцендентальной логики», например, что синтез как таковой — это «исключительно действие способности воображения» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171), которая «принадлежит к чувственности» (B 151; Кант, 2006а, с. 225), в то время как приведение этого синтеза к понятиям есть «функция, присущая рассудку» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171)? Кажется, что теория Канта допускает не-понятийный синтез, или сложение (см. также, например: Hanna, 2008, p. 62; Rohs, 2001, S. 215, 220; Waxman, 1991, p. 150, n. 28). Такое основанное на воображении «сложение-вместе» может быть проиллюстрировано следующим образом. Предположим, что перед нами рисунок, изображающий треугольник. Рассматривая его, мы идем по одной линии, переходим к другой, а потом еще к одной, соединенной с первой. Так мы получаем грубую перцептуальную идею фигуры, известной как треугольник.

Чтобы понять, чем может быть (и что не есть) не-понятийный синтез, важно отметить, что сейчас мы говорим не о представлении треугольника *как* треугольника, например, посредством понимания того, что сумма его углов равна 180 градусам, что, как известно, необходимо для каждого треугольника (ср.: AA 11, S. 51; Кант, 1994г, с. 528–529). Мы не ищем общие или универсальные свойства треугольников. Мы не измеряем их. По сути дела, мы никоим образом не *категоризируем* их. Мы просто рассматриваем эту индивидуальную фигуру с ее уникальным треугольным способом бытия, чувственно наличного для нас. Как это объяснил бы Кант, такой вид синтетических действий относится к воображению, а значит, «всегда чувственный»: «Ибо сам по себе синтез способности воображения... тем не менее всегда является чувственным, потому что он связывает многообразие лишь так, как оно является в созерцании (пример — образ [гештальт] треугольника)» (A 124; Кант, 2006б, с. 177).

plicate how one might understand non-conceptual perceptual representation in terms of synthesis, despite the fact that some of the Kant texts seem to imply the impossibility of such a thing. Let me start by highlighting a distinction that I do not think has been stressed enough in the literature: namely, that it is one thing to examine an object in so far as its looks (to stick to vision) are concerned, and another thing to examine an object in so far as its generalisable features are concerned.

On the basis of what Kant says in the early parts of the “Transcendental Logic” — he for instance says that synthesis as such is “the mere effect of the imagination” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 2000a, p. 211), which “belongs to sensibility” (*KrV*, B 151; Kant, 2000a, p. 257), though bringing the synthesis to concepts “pertains to the understanding” (*KrV*, A 78 / 104; Kant, 2000a, p. 211) — it seems that Kant’s theory does allow for non-conceptual synthesis or composition (*Zusammensetzung*) (see also e.g. Hanna, 2008, p. 62; Rohs, 2001, pp. 215, 220; Waxman, 1991, p. 150, n. 28). Such an imagination-based “putting-together” can be illustrated as follows. Suppose we have in front of us a drawing that depicts a triangle. As we examine it, first we follow one line, then another line, and then yet another line that connects with the first one. What we get is a rough perceptual idea of a figure known as a triangle.

In order to understand what a non-conceptual synthesis might be (and what it is not) it is crucial to notice that now we are not speaking of representing the triangle *as* a triangle, say, by recognising that it has an angle-sum of 180 degrees, as every triangle necessarily does (*cf. Br*, AA 11, p. 51; Kant, 1999, p. 313). We are not figuring out general or universal properties of triangles. We are not measuring it. As a matter of fact, we are not *categorising* it in any way. We are simply examining this individual figure with its unique triangular way of being sensibly present to us. As Kant would explain it, this kind of synthetic activity is up to imagination and hence “always sensible”: “For in itself the synthesis of imagination [...] is nevertheless always sensible, for it combines the manifold only as it appears in intuition, e.g., the shape of the triangle” (*KrV*, A 124; Kant, 2000a, p. 240).

The phrase “only as it appears in intuition” contains an equally crucial point, since it underscores

Фраза «лишь так, как оно является в созерцании» содержит в себе не менее важный момент, поскольку она подчеркивает способ работы чувственности в целом: не схватыванием объекта посредством его общих или обобщаемых качеств, а рассмотрением частного являющегося объекта. «Разумная познавательная способность — это способность мыслить или создавать для себя понятия. Она представляет только объект вообще, не глядя на способ его явления» (AA 29, S. 888). Однако в нашем примере мы смотрим только на то, каким именно способом частная треугольная фигура является нам, то есть на то, как она чувственно представлена в созерцании.

Несомненно, если говорить о познании, такое перцептуальное представление только формы мало что нам дает. В этом примере отсутствует понимание каких-либо аспектов «треугольности». В этом смысле предмет может оставаться полностью неопределенным (см.: A 20 / B 34; Кант, 2006а, с. 89–91). Нам не нужно даже знать, что мы смотрим именно на треугольник. Как говорит сам Кант, «познание в собственном смысле этого слова» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171) требует привести синтез к понятиям, и похоже, что это именно то, чего *не* происходит в нашем примере. Однако это не важно, если мы хотим узнать, возможно ли представить отдельную форму или чувственную конфигурацию объекта, не представляя его понятийно. Учитывая, что за пределами чувственного представления отдельных объектов могут существовать перцептуальные представления, посредством которых отдельные вещи познаются, лишь когда они являются, а также то, что категории есть способ представления «объекта вообще», ответ будет положительным: да, отдельные формы и пространственные конфигурации могут быть представлены без приложения понятий, в том числе категорий¹¹.

Говоря прямо, в свете проблемы содержания, поскольку индексальное содержание не несет в себе никакой обязательной связи с эмпирическими понятиями, в определенном смысле содержание синтеза может быть не-категориальным, по крайней мере пока речь идет о действительном приложении категорий к этому содержанию. Действительно, содержание чувственного синтеза может быть опи-

the way the faculty of sensibility as a whole operates: not by grasping the object via its general or generalisable features, but by having the particular appearing object under inspection. Understanding, or the intellect, on the other hand, does not represent in this manner: “The intellectual cognitive faculty is the faculty for thinking or for making concepts for ourselves. It represents only the object (*Objekt*) in general, without looking to the manner of its appearance” (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 888; Kant, 2001, p. 256). In our example, however, we are only considering the peculiar manner the particular triangular figure appears to us, that is, how it is represented sensibly in intuition.

Certainly, cognitively speaking, such a perceptual representation of a mere shape is not much. In the example, none of the aspects of “trianglehood” are understood. To this extent, the object (*Gegenstand*) may remain totally undetermined (see *KrV*, A 20 / B 34; Kant, 2000a, p. 172). We do not even need to know that it is a triangle we are gazing at. As Kant himself puts it, “cognition in the proper sense” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 2000a, p. 211) requires bringing synthesis to concepts, and it seems that this is exactly what does *not* happen in our example. This, however, is irrelevant if we want to know whether it is possible to represent a particular shape or the sensible configuration of an object without representing it conceptually. Given that there can be perceptual representations through which particular things are cognised merely as they appear, and given that the categories are ways of representing “the object in general” beyond the ways particular objects happen to be present to our senses, the answer appears positive: yes, it is possible to represent particular shapes and spatial configurations without the application of concepts, including the categories.¹⁰

Put explicitly in terms of content, just as indexical content bears no necessary connection to empirical concepts, there is a sense in which the content of synthesis can be non-categorical, at least as far as the actual application of the categories with respect

¹¹ Это различие также помогает нам сохранить взгляд, согласно которому каждое пространственное определение является определением математически определенной величины. В третьей «Критике» Кант проводит еще одно различие между логическим и эстетическим определением величины (AA 05, S. 251; Кант, 2001а, с. 269–271; см. также: Golob, 2014).

¹⁰ This distinction also helps us retain the view that not every spatial determination is a determination of a mathematically specified magnitude. In the third *Critique*, Kant makes a further distinction between logical and aesthetic determination of magnitude (*KU*, AA 05, p. 251; Kant, 2000b, pp. 134-135; see also Golob, 2014).

сано как *пространственное содержание*, которое доводит до наблюдателя такие вещи, как местоположение и *Gestalt* объекта. Понятия этого не делают, так как не предоставляют нам частные вещи. Для такого вида представления нам нужны индексальные содержания, предоставляемые созерцанием. В таком случае познавательная роль категорий заключается в предоставлении способов понятийного определения того, что в противном случае было бы просто индексальным или пространственным содержанием. Как говорит сам Кант в «Дедукции категорий» второго издания «Критики чистого разума», категории — это «понятия о предмете вообще, благодаря которым созерцание его рассматривается как определенное с точки зрения одной из логических функций в суждениях» (В 128; Кант, 2006а, с. 199; см. также: В 143; Кант, 2006а, с. 215–217). Для наших целей важно отметить, что такое приложение категорий не обязано иметь место в отношении любого возможного содержания, и в действительности не происходило в нашем примере с треугольником, суть которого заключалась как раз в том, что представление треугольной формы независимо от ее определенности категориями¹².

4. Чувственность и рассудок как фундаментально разные виды возможностей представления с разными вкладами в познание

Должно быть ясно, что для Канта приложение понятий есть функция мышления. Ясно также, что если существуют представления, не являющиеся мыслями в кантовском смысле — прежде всего исследованное выше не-понятийное индексальное содержание и содержание, образованное исключительно путем пространственного синтеза, — то становится сложно понять, как какие-либо понятия могут с необходимостью быть включены в содержание представления, не являющегося случаем мышления¹³. Более того, как далее будет показано,

¹² Альтернативная аргументативная стратегия для аналогичной цели заключалась бы в том, чтобы подчеркнуть, что кантовское понятие единства имеет два аспекта и что пространственно-временное единство следует четко отличать от дискурсивного единства (McLear, 2015; см. также: Onof, Schulting, 2015).

¹³ Подобным образом схемы могут быть исключены из необходимых компонентов перцептуального представления: схемы не только объясняют возможность синтетического суждения (А 148 / В 187; Кант, 2006б, с. 267) и изображения понятий (АА 05, S. 351–352; Кант, 2001а, с. 513–515), но схема «не может существовать нигде, кроме как в мысли» (А 141 / В 180; Кант, 2006а, с. 259).

to that content is concerned. Indeed, the content of sensible synthesis can be described as purely *spatial content* that conveys things like location and the object's *Gestalt* to the perceiver. Concepts do not convey such things, just as they do not provide us with particulars. For that kind of representation we need indexical contents provided by intuition. The cognitive role of the categories, then, is to provide ways to conceptually determine the otherwise merely indexical or spatial content. As Kant puts it in the so-called B-Deduction, the categories “are concepts of an object (*Gegenstand*) in general, by means of which its intuition is regarded as determined with regard to one of the logical functions for judgments” (*KrV*, В 128; Kant, 2000a, p. 226; see also *KrV*, В 143; Kant, 2000a, p. 252). The crucial thing for the current purposes is that this kind of application of the categories does not need to take place with regard to every possible content, and indeed did not take place in our triangle example, where the point was precisely that representing the triangular shape as such was independent of the categorial determination of it.¹¹

4. Sensibility and Understanding as Fundamentally Different Kinds of Representational Capacities with Separable Contributions

It should be clear that for Kant the application of concepts is a function of thinking. It should be equally clear that if there are representations that do not count as thoughts in Kant's demanding sense — the above-examined non-conceptual indexical content and content generated through merely spatial synthesis being the best candidates — then it becomes difficult to see how any concepts could be necessarily featured in a representational content that is not an instance of thinking.¹² Moreover, as

¹¹ An alternative argumentative strategy to a similar end would be to emphasise that Kant's notion of unity is twofold, and that spatiotemporal unity is to be starkly distinguished from discursive unity (McLear, 2015; see also esp. Onof and Schulting, 2015).

¹² In a similar fashion, schemata could be excluded from the necessary ingredients of perceptual representation: not only do schemata explain the possibility of synthetic judgment (*KrV*, А 148 / В 187; Kant, 2000a, p. 278) and the exhibition of concepts (*KU*, АА 05, pp. 351-352; Kant, 2000b, pp. 225-226) but a schema “can never exist anywhere except in thought” (*KrV*, А 141 / В 180; Kant, 2000a, p. 273).

даже когда объект определен понятиями, он в некотором смысле продолжает быть не-понятийно доступным независимо от того, каким образом мы о нем думаем.

Для Канта есть фундаментальное различие между чувственностью и рассудком, разделение которых есть не только требование развитой теории человеческого познания, но и нечто, к чему субъект имеет доступ посредством рефлексии (A 260–261 / B 316–317; Кант, 2006а, с. 417; см. также, например: AA 16, S. 494–495, № 2743). В примере с треугольником мы с легкостью могли отделить *Gestalt* треугольника от геометрического определения треугольника как плоской фигуры с суммой углов, равной 180 градусам. Чтобы лучше проиллюстрировать этот вид способности представления, предположим, что мы формулируем суждение на основании визуального восприятия того, что вода гнет весло, которое мы только что в нее опустили. Если мы это сделаем, то дадим чувственности вести нас. Тем не менее источник этого заблуждения — суждение, а не явление (ср.: AA 04, S. 290; Кант, 1994б, с. 46; см. также: A 376; Кант, 2006б, с. 471–473). Что нам не удалось сделать, так это должным образом осмыслить положение дел, посредством чего мы бы поняли, что все только выглядит таким образом. Но *со стороны восприятия* все было в порядке: в нашем лишенном суждения визуальном восприятии весла не было ошибки, ошибочным было бы заключить, что вода может мгновенно согнуть дерево. Еще в меньшей степени суждения изменяют *перцептуальное содержание*, то есть тот самый образ, которым мы представляем весло посредством чувственного созерцания. Как мы увидели, факт явления чего-либо и то, каким образом вещи являются, следует резко отличать от представления объектов за пределами способа, которым они являются. Это различие — именно то, что наши примеры с треугольником и веслом стремятся проиллюстрировать.

В конечном счете все это указывает на то, что чувственность и рассудок соотносятся друг с другом не как входные данные и процессор, но скорее как изображение и его интерпретатор. Это, в свою очередь, свидетельствует, что способность интерпретировать данный объект, то есть формировать мысли о нем, приходит со способностью к рефлексии над содержанием своих представлений. Как показывает пример с согнутым веслом, для этого необходимо учитывать различный вклад, вносимый чувственностью и рассудком в наши представления. Ошибка здесь означает, что мы формируем

will be elaborated shortly, even when an object gets determined conceptually, there is a sense in which the object continues to be non-conceptually available to us independently of the manner we happen to think about it.

For Kant, there is a fundamental difference between sensibility and understanding, the separation of which is not only something a well-developed account of human cognition demands, but something to which the subject must have access through reflection (*KrV*, A 260-261 / B 316-317; Kant, 2000a, p. 366; see also e.g. *Refl* 2743, AA 16, pp. 494-495; Kant, 2005a, p. 49). In the triangle example, we could easily separate the *Gestalt* of the triangle from the determination of the triangle as a plane figure the angle sum of which has to be 180 degrees for it to count as a triangle in the geometrical sense. To illustrate this kind of reflective capacity further, suppose we judge on the basis of visual perception that water has the capacity to bend the oar we have just put under water. If we do so we let sensibility lead the way. The confusion itself is nevertheless in our judgment, not in the appearance (*cf. Prol*, AA 04, p. 290; Kant, 2002b, p. 85; see also e.g. *KrV*, A 376; Kant, 2000a, p. 429). What we have failed to do is properly reflect on the state of affairs, whereby we would have realised that things only look that way. But *perceptually* we got it all right from the start: there is nothing wrong in our non-judgmental visual perception of the oar — the mistake would be to jump to the conclusion that water has the capacity to instantly bend wood. Even less so does the judgment alter *perceptual content*, that is, the very way we represent the oar through sensible intuition. As we have seen, the fact of something appearing and the way things appear is to be sharply distinguished from representing objects beyond their manner of appearance, and this distinction is exactly what our triangle and oar examples aim to illustrate.

Ultimately, all of this suggests that sensibility and understanding do not relate to one another as input and its processor, but rather as an image and its interpreter. This in turn suggests that the ability to interpret a given object — to form thoughts about it, basically — comes with the ability to reflect on one's representational contents. As the bent oar case shows, doing so involves taking notice of the different representational contributions of sensibility and understanding. An error here means that we pass judgment on wrong grounds. For example, when

суждение на неверном основании, например когда мы слишком полагаемся на вклад чувственности, неправильно интерпретируя перцептуальный объект. Однако такая возможность требует автономного перцептуального содержания. Это значит, что в определенном смысле содержание представлений, даваемое чувственностью, должно быть доступно независимо от его интерпретации рассудком.

Взгляды Канта на животное познание целиком поддерживают тезис об автономии не-понятийного содержания представлений¹⁴. Так как животные, не являющиеся людьми, могут наблюдать, но не обладают рассудком, а следовательно, не получают, сохраняют или используют понятия, животное восприятие необходимо не-понятийно, с точки зрения Канта. Допуская, что у нас нет достаточных оснований, чтобы считать, будто Кант полагает восприятия животных принципиально отличными от человеческих восприятий, человеческое восприятие также можно мыслить как внутренне не-понятийное¹⁵. Кроме того, учитывая, что перцептуальное представление может быть независимым от мышления — а восприятие животного обязательно таково, в то время как восприятие человека таково случайным образом, — мы можем сделать то же самое заключение независимо от того, поддерживается ли это заключение взглядами Канта на животных.

¹⁴ Несмотря на то что у животных, в отличие от людей, отсутствуют понятия (AA 28, S. 594) и способность ставить цели для себя (AA 05, S. 431; Кант, 2001а, с. 699–701; AA 06, S. 392; Кант, 2018, с. 51–53), они похожи на человека в том, что у них есть чувства (AA 05, S. 210; Кант, 2001а, с. 167–169), созерцания (AA 28, S. 594) и воображение (AA 28, S. 277; AA 29, S. 884). Животные также действуют в соответствии с представлениями (AA 05, S. 464 Anm.; Кант, 2001а, с. 781 сн.) и могут сравнивать их (AA 29, S. 888). В более общем смысле люди тоже являются животными и разделяют способность восприятия или низшую познавательную способность с животными (*ibid.*). См. также: (AA 02, S. 59–60; Кант, 1994а, с. 38–40; AA 09, S. 64–65; Кант, 1994г, с. 321–322; AA 20, S. 211; Кант, 2001б, с. 865–867; AA 24, S. 236; AA 24, S. 846). В совокупности имеющиеся данные убедительно подтверждают прочтение, согласно которому Кант рассматривал животных как существ, обладающих сознанием и способных к всевозможным не-понятийным эмпирическим представлениям, особенно к восприятию (в широком смысле). См. также: (Burge, 2009, p. 295, n. 18; McLearn, 2011; Naragon, 1990).

¹⁵ Можно пойти дальше и заявить, что сам рассудок не требуется для перцептуального представления частных вещей. Это на самом деле объясняет, почему Кант считает существ, которые не наделены интеллектом, способными к представлению. В более общем смысле можно утверждать, что ум в целом является репрезентативной способностью, одним из аспектов которой выступает рассудок, так сказать, дискурсивная сторона ума (см.: AA 09, S. 58; Кант, 1994г, с. 314–316). В качестве альтернативы можно различать дискурсивный и преддискурсивный рассудок или спонтанность более низкого и более высокого уровня (Waxman, 1991, p. 34, 80; Hanna, 2008, p. 62).

we make our judgment too focused on the contribution of sensibility, interpreting the perceptual object in a wrong way. But this kind of possibility requires autonomous perceptual content. This is to say that there must be a sense in which the representational content provided by sensibility is available independently of its interpretation by understanding.

Kant's views on animal cognition give full support to this kind of autonomy of non-conceptual representational content.¹³ Since non-human animals are perceivers, but do not have understanding, and thus do not acquire, possess, or use concepts, animal perception is necessarily non-conceptual in Kant's view. Assuming that there are no good grounds for interpreting Kant as regarding animal perception as fundamentally different from human perception, human perception too can then be understood as intrinsically non-conceptual.¹⁴ Besides, given that perceptual representation can be independent of thinking — animal perception being necessarily so, human perception contingently so — we can draw the same conclusion also independently of this further support from Kant's views on non-human animals.

¹³ Even though non-human animals lack concepts (*V-Met-L2/Pölitz*, AA 28, p. 594; Kant, 2001, p. 354) and the capacity to set ends for themselves (*KU*, AA 05, p. 431; Kant, 2000b, p. 298; *MS*, AA 06, p. 392; Kant, 2005b, p. 522), they are similar to human animals in that they do have feelings (*KU*, AA 05, p. 210; Kant, 2000b, p. 95), intuitions (*V-Met-L2/Pölitz*, AA 28, p. 594; Kant, 2001, p. 354), and imagination (*V-Met-L1/Pölitz*, AA 28, p. 277; Kant, 2001, p. 88; *V-Met/Mron*, AA 29, p. 884; Kant, 2001, p. 253). Animals also act in accordance with representations (*KU*, AA 05, p. 464n; Kant, 2000b, p. 328) and can compare them (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 888; Kant, 2001, p. 257). More generally, human beings are animals, too, and share the faculty of sensibility, or the lower cognitive faculty, with non-human animals (*ibid.*). See also *DfS*, AA 02, pp. 59-60; Kant, 2007, pp. 103-104; *Log*, AA 09, p. 64-65; Kant, 2004, p. 569-570; *EEKU*, AA 20, p. 211; Kant, 2000c, p. 15; *V-Lo/Blomberg*, AA 24, p. 236; Kant, 2004, p. 188; and *V-Lo/Wiener*, AA 24, p. 846; Kant, 2004, p. 299. Taken together, the evidence strongly supports a reading according to which Kant regarded non-human animals as minded creatures capable of all sorts of non-conceptual empirical representation, most notably perception (broadly construed). See also Burge, 2009, p. 295n18; McLearn, 2011; Naragon, 1990.

¹⁴ One could go further and claim that the faculty of understanding itself is not required for perceptual representation of particular things. This would actually explain why Kant regards creatures that are not endowed with the intellect as capable of representation. More generally, it could be claimed that the mind as a whole is the representational faculty, one aspect of which is the understanding — the mind's discursive side, as it were (see Kant, 2004, p. 564; *Log*, AA 09, p. 58). Alternatively, one could distinguish between discursive and prediscursive understanding or between lower-level and higher-level spontaneity (Waxman, 1991, pp. 34, 80; Hanna, 2008, p. 62).

В любом случае ошибочно считать кантовской идею о том, что чувственность не вносит «даже условно отдельного вклада в совместную работу» (McDowell, 1996, p. 9) двух способностей представления¹⁶. Более того, рассудок не избавляет нас от путаницы (ср.: A 270–271 / B 326–327; Кант, 2006а, с. 427–429). Однако мне кажется, что по крайней мере некоторые из концептуалистских взглядов основаны на идее о том, что рассудок использует категории с целью навязывания структуры внешне бесструктурным явлениям (см., например: Ginsborg, 2006; McDowell, 2009, p. 127). Иными словами, одной из идей, лежащих в основе концептуалистских предположений, является настойчивая идея о том, что понятия каким-то образом превращают то, что в противном случае было бы ничем иным, как чувственными данными, в содержание представлений. Тем не менее, как я уже говорил, скорее всего, чувственность должна обладать структурой представлений независимо от понятий рассудка.

Связанное с этим концептуалистское предположение состоит в том, что Кант также обеспокоен условиями только лишь явления и только лишь чувственного синтеза в «Трансцендентальной аналитике», тогда как неконцептуалисты более склонны думать, что после «Эстетики» Кант озабочен только объяснением условия приведения созерцаемых объектов и синтеза через воображение к категориям. Сейчас не время и не место для предъявления всех текстовых доказательств в поддержку неконцептуалистских взглядов. Позвольте мне вместо этого поставить две общие для этого концептуалистского предположения проблемы. Во-первых, трудно понять, что именно означает иметь набор *априорных* понятий, представленных в чувственном восприятии или в самом явлении. Во-вторых, придание категориям такой основополагающей роли может фактически превратить их в нечто гораздо более сложное, чем предполагал Кант. На самом деле возможно, что Кант даже не думал о необходимости исчерпывающего объяснения очевидно-

¹⁶ Если быть точным, в тексте говорится о «восприимчивости» и «спонтанности», а не о «чувственности» и «рассудке». Однако можно сказать, что это еще хуже для принятия предполагаемого кантианства Макдауэлла, поскольку он, кажется, отрицает все, что связано только с чувственностью, кроме *чистой* восприимчивости, которая вряд ли совместима со взглядами Канта, который считает, что воображение также принадлежит чувственности (B 151; Кант, 2006а, с. 225; AA 24, S. 701–702) и что созерцание — это не просто получение чувственных данных или что-то подобное. Подробную критику взглядов Макдауэлла в этом отношении см.: (Allais, 2009, p. 387–392).

In any case, it is a mistake to take it to be a Kantian idea that sensibility does not make “an even notionally separable contribution to the co-operation” (McDowell, 1996, p. 9) between the two representational capacities.¹⁵ Moreover, understanding is not a rectifier of confusion (cf. Kant, 2000a, p. 372; *KrV*, A 270-271 / B 326-327). It seems to me, however, that at least some of the conceptualist lines of thought build on the idea that the understanding uses the categories for the purpose of imposing a structure on otherwise structureless appearances (see e.g. Ginsborg, 2006; McDowell, 2009, p. 127). Put differently, one of the underlying conceptualist assumptions appears to be the stubborn idea that concepts somehow make what would otherwise be nothing but sensory intake into representational content. Yet, as I have been suggesting, it is rather the case that sensibility must have a representational structure independently of the concepts of understanding.

A related conceptualist supposition seems to be that Kant is also concerned about the conditions of mere appearing and merely sensible synthesis in the “Transcendental Analytic”, whereas the non-conceptualists are more inclined to think that, after the Aesthetic, Kant is only concerned about explaining the conditions of bringing intuited objects and imagination-based synthesis under the categories. This is not the time and place to bring in all the textual evidence for the non-conceptualist view. Let me instead bring up two general worries for the conceptualist supposition. First, it is difficult to see what exactly it would mean to have a set of *a priori* concepts featured in sense perception or appearing itself. Second, to give the categories such a foundational role might in fact turn them into something far more complex than Kant intended. As a matter of fact, it may even be that Kant did not think that the apparent gap between the conceptual and non-conceptual is in need of an exhaustive explanation. The so-called schematism, for exam-

¹⁵ To be precise, the text reads ‘receptivity’ and ‘spontaneity’ instead of ‘sensibility’ and ‘understanding’. However, this could be said to be all the worse for McDowell’s supposed Kantianism, since he seems to deny everything from mere sensibility except for *sheer* receptivity, which is hardly compatible with Kant who thinks that imagination too belongs to sensibility (Kant, 2000a, p. 257; *KrV*, B 151; Kant, 2004, p. 440; *V-Lo/Dohma-Wundlacken*, AA 24, pp. 701-702) and that intuitions are not mere inputs or the like. For a detailed criticism of McDowell’s account in this respect, see Allais, 2009, pp. 387-392.

го разрыва между понятийным и не-понятийным. Так называемый схематизм, например, хотя и явно пыгается в некоторой степени восполнить этот пробел, определенно не является таким объяснением¹⁷. В письме Маркусу Герцу от 26 мая 1789 г. Кант признает следующее: «Как, однако, само возможно (как пространство и время) такое чувственное созерцание как форма нашей чувственности или такие функции рассудка, как те, которые выводит из него логика, или как получается, что одна форма согласуется с другой в одном возможном познании, — это нам совершенно невозможно объяснить» (AA 11, S. 51; Кант, 1994г, с. 528–529). Это вряд ли можно назвать комментарием, сделанным мыслителем, который якобы настаивал на том, что явление как таковое должно быть основано на категориях. В самом деле, если бы мы могли обоснованно сделать подобное заявление, разве мы не должны были бы быть в состоянии объяснить ту самую вещь, возможность которой отрицается в письме, а именно — как или почему формы чувственности и формы рассудка согласуются друг с другом? Может также случиться, что попытка такого объяснения неизбежно приведет к неправильной оценке позитивного взгляда Канта на чувственность и ее уникальный вид изолируемого вклада в познание, что нонконцептуалистские читатели Канта особенно стараются принять во внимание¹⁸.

5. Сложности и заключения

Кант прямо заявляет, что созерцание привносит *содержание* в мысль (A 51 / B 75; Кант, 2006а, с. 137–139). Таким образом, можно утверждать, что вопрос о не-понятийном содержании в кантовском контексте не должен даже возникать: созерцание не только конституирует содержание, но, учитывая, что созерцания не есть понятия, они по определению суть не-понятийные факторы создания содержания в кантовской теории представлений.

Помимо проблемы слепоты типичным контраргументом здесь будет то, что тем не менее в кантовском контексте существует только один вид «полноценного представления», и это представление — (объективное) суждение (см., например: Allison, 1985, p. 26). Аналогичным образом можно

¹⁷ Подробнее о том, что Кант стремится и не стремится объяснить, см.: (Marshall, 2014, особенно p. 560).

¹⁸ Описание как «безнадежной» попытки Канта изолировать вклад чувственности (Falkenstein, 1995, p. 56) наиболее показательно в этом отношении. Но все же это безнадежно только при концептуалистских предположениях.

ple, though clearly an attempt to fill the gap to some extent, is definitely not such an explanation.¹⁶ In a letter to Marcus Herz on 26 May 1789, Kant admits this much: “But we are absolutely unable to explain further how it is that a sensible intuition (such as space and time), the form of our sensibility, or such functions of the understanding as those out of which logic develops are possible; nor can we explain why it is that one form agrees with another in forming a possible cognition” (*Br*, AA 11, p. 51; Kant, 1999, p. 313).

This is hardly a comment made by a thinker who would insist that appearing as such must be categorially grounded. Indeed, if we could legitimately make such a claim, would we not have to be able to explain the very thing the possibility of which is denied in the letter — namely, how or why the form of sensibility and the form of understanding agree with each other? It may also be that taking steps towards such an explanation inevitably leads to a misappreciation of Kant’s positive outlook on sensibility and its unique kind of isolatable cognitive contribution, the latter being something especially the non-conceptualist readers of Kant have tried to appreciate.¹⁷

5. Complications and Conclusions

Kant states it explicitly that intuition brings *content* (*Inhalt*) to thought (*KrV*, A 51 / B 75; Kant 2000a, pp. 193-194). Thus, it might be argued that there should not even be an issue about non-conceptual content in the Kantian context: not only does intuition constitute the content, but given that intuitions are not concepts, they are, basically by definition, the non-conceptual content-making factors in Kant’s theory of representation.

Besides the blindness issue, a typical counterclaim at this point is that there is nevertheless only one kind of “full-fledged representation” in the Kantian context, and that representation is (objective) judgment (see e.g. Allison, 1985, p. 26). In a similar vein, it can be claimed that for Kant “minimum content” equals judgment (Dickerson, 2004, p. 133).

¹⁶ For more on what Kant does and does not aim to explain, see Marshall, 2014, esp. p. 560.

¹⁷ Describing Kant’s attempt at isolating the contribution of sensibility as “hopeless” (Falkenstein, 1995, p. 56) is most telling in this respect. Yet it is hopeless only under conceptualist assumptions.

утверждать, что для Канта «минимальное содержание» равно суждению (Dickerson, 2004, p. 133). Если это должно означать, что только посредством суждения мы вообще можем иметь представления, это вряд ли будет верно, учитывая то, что мы установили выше, не говоря уже о растущем объеме литературы о Канте со схожими результатами. Тем не менее этот контраргумент согласуется с позицией Канта, ориентированной на суждение: несмотря на то что учение Канта допускает и другие виды представлений, основной объект теории познавательного и эпистемически значимых представлений Канта, безусловно, суждение.

На этом основании можно сказать, что по-настоящему содержательным представлением следует назвать представление, поддержанное чем-то частным (по крайней мере косвенно) и направляющее тем, что отражает выходящее за пределы частного. Очевидно, что эти факторы создания содержания, выводящие наблюдателя за пределы частного, включают в себя понятия, то есть всё, что несут в себе категории и единство апперцепции. В самом деле, возможно, что даже сам Кант зашел бы настолько далеко, что потребовал бы наличия рефлексивной само-сознательной позиции в представлениях, чтобы они считались полностью содержательными. Вспомните пример с веслом: чтобы по-настоящему оценить, как обстоят дела, нужно быть способным к рефлексии над перцептуальным содержанием своего восприятия и подняться над тем, как вещи непосредственно являются в чувствах.

Кант также утверждает, что содержание порождается синтезом. Он пишет: «...именно синтез есть то, что, собственно, из элементов составляет познания и объединяет их в определенное содержание» (A 77 / B 103; Кант, 2006а, с. 169–171). Однако, учитывая, что это утверждение появляется в тексте раньше, чем фрагменты, позволившие нам вычленил в теории Канта не-понятийный состав восприятий, оно может считаться совместимым и с исключительно индексальным содержанием представлений, и с пространственным содержанием, которое порождается чувственным синтезом. Правда, в обоих случаях мы не поднимаемся над непосредственно перцептуальным содержанием, если не определим его в понятиях. В то же время нужно заметить, что лишь посредством приведения синтеза к понятиям возможно «познание в собственном смысле этого слова» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171), которое также может быть отождествлено с полноценным содержанием представлений.

If this is taken to mean that it is only through judgment that we can represent in the first place, this is hardly true, given what we have established above, not to mention the growing Kant literature with similar results. Still, the counterclaim is in line with Kant's judgment-oriented standpoint: despite the fact that Kant's account allows for other kind of representations as well, the main item in Kant's account of cognitively and epistemically significant representation is definitely judgment (*Urteil*).

On this construal, a genuinely contentful representation could be said to be a representation aided by something particular (at least indirectly) and guided by something that reflects that which goes beyond the particular. Obviously, these other content-generating factors that take the perceiver beyond the particular involve concepts – basically, everything the categories and the unity of apperception bring along. Indeed, it might even be that Kant himself would go as far as to require a reflective self-conscious stance on a representation in order to have it count as fully contentful. Recall the oar case: to really appreciate how things stand, one must be able to reflect on one's perceptual content and rise above the way things appear immediately to the senses.

Kant also claims that content originates from synthesis. He writes: “the synthesis alone is that which properly collects the elements for cognitions and unifies them into a certain content” (*KrV*, A 77 / B 103; Kant, 2000a, p. 211). However, given that this claim precedes some of the passages that allowed us to extract the notion of non-conceptual composition from Kant's theory, the claim can be regarded as compatible with both merely indexical representational content and spatial content generated through sensible synthesis. It is just that in both of these cases we do not rise above the immediate perceptual content unless we determine it conceptually. At the same time, it must be admitted that only by bringing synthesis to concepts can there be “cognition in the proper sense” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 2000a, p. 211), which could just as well be identified with full-fledged representational content.

If we do require this much from contentful representation, then we mean by content *judgmental content*, or more specifically, the kind of judgmental content that is constituted by intuition-based refer-

Если мы действительно хотим от содержания представлений всего этого, то под содержанием мы имеем в виду *содержание суждения* или, точнее, тот вид содержания суждений, который конституируется основанной на созерцании отсылкой к некоторому действительному объекту или положению дел. Такое толкование содержательных представлений может быть допустимо с целью объяснения различных вещей, но все же нежелательно. Принимая его, мы утверждаем условное положение, за которым можно не заметить тонкости учения Канта о перцептуальных представлениях. Помимо высокой оценки кантовской суждение-центричной позиции, мы также хотели бы сохранить в целости идею наличия только лишь у созерцания своей собственной способности к созданию содержания познания, что подтверждает пример с домом. Был бы верен такой анализ взглядов Канта, согласно которому, с одной стороны, есть чистое чувственное не-понятийное содержание, порождаемое одним лишь перцептуальным рассмотрением объекта, а с другой — категориально-понятийное содержание, накладываемое на первое? Такой анализ подразумевал бы, что содержание суждений на деле есть некое *гибридное содержание*, частично — конституированное понятийным, частично не-понятийным содержанием.

Определенная проблема с такого рода подходом заключается в том, что учение Канта действительно не может вместить самостоятельное концептуальное содержание. Вместо этого, если есть такое содержание, оно должно быть основано на созерцании, что возвращает нас обратно к суждение-центристскому взгляду, согласно которому конечная проблема заключается в том, обладает ли суждение содержанием, то есть конституируется ли связанное с понятием суждение отсылкой к какому-либо действительному объекту или положению дел. Альтернативным способом было бы просто смириться и признать, что не-понятийные и понятийные элементы начинают полностью относиться к представлениям и быть познавательно значимыми при объединении, но при этом подчеркнуть, что это не исключает возможности только лишь индексального и чисто чувственного пространственного содержания (что подробно описано выше, в разделах 2 и 3), хотя нам, возможно, все еще нужно будет определить, какие именно это виды содержания в сравнении с полноценным репрезентативным содержанием.

В любом случае, каким бы образом мы ни истолковывали «содержание» у Канта, верная его букве и духу позиция должна сохранить в себе главный элемент кантовской теории представлений, а

ence to some actual or possible object or state of affairs. Such a construal of contentful representation may be acceptable for various explanatory purposes but also unwanted. By doing so we are basically making a stipulation whereby the subtlety of Kant's account of perceptual representation gets easily overlooked. In addition to appreciating Kant's judgment-centered stance, we would also like to keep intact the idea that mere intuition has some cognitive content-generating power even on its own, as evidenced by the house example above. Would the correct analysis of Kant's view then perhaps be that there is purely sensible non-conceptual content, generated in the merely perceptual examination of an object, on the one hand, and categorial-conceptual content imposed on the former kind of content, on the other? Such an analysis would suggest that judgmental contents are in fact some kind of *hybrid contents* partially constituted by conceptual, partially by non-conceptual contents.

A definite problem with this kind of approach is that Kant's account cannot really accommodate self-standing conceptual contents. Instead, if there are such contents, they must be intuition-based, which brings us right back to the judgment-centered view where the ultimate issue is whether or not a judgment possesses content, that is, whether or not the concept-bound judgment is constituted by reference to some actual or possible object or state of affairs. An alternative way would be to simply bite the bullet and admit that the non-conceptual and conceptual elements become fully representational and cognitively significant when unified, yet emphasise that this does not rule out the possibility of merely indexical and purely sensible spatial contents (elaborated above in Sections 2 and 3), although we might still need to qualify what kinds of contents they precisely are compared to full-fledged representational contents.

In any case, whichever way we construe 'content' with respect to Kant, a faithful view must retain a most crucial element in Kant's theory of representation: namely, the fact (elaborated in Section 4) that intuitions, even if brought under the categories, do not thereby become conceptual, just as intuition-based thinking does not make thinking itself intuitive — according to Kant, human thinking is always discursive, not intuitive, whereas human in-

именно тот факт (разработанный в разделе 4), что созерцания, даже если они подведены под категории, не становятся от этого понятийными, подобно тому как мышление, основанное на созерцании, не делает мышление само по себе созерцательным. Согласно Канту, человеческое мышление всегда дискурсивно, а не созерцательно, в то время как человеческое созерцание всегда чувственно, а не дискурсивно. В противном случае такой взгляд более или менее обречен на размытие фундаментального кантовского различия между чувственностью и рассудком и их уникальными и отделимыми друг от друга вкладками в познание.

Подобные результаты могут быть достигнуты путем анализа другого, казалось бы, беспроблемного понятия, а именно — *опыта*. В одной интерпретации этого понятия Кант считает, что опыт требует (определенного рода) суждения (см., например: AA 04, S. 300; Кант, 1994б, с. 57–58). Это снова переворачивает все с ног на голову, потому что такое требование делает опыт сам по себе зависимым от суждения. Действительно, одним из следствий этого, по-видимому, будет то, что опыт в строгом смысле зависит от способности описывать содержание своих представлений или, как передаются слова Канта в конспекте к одной из его лекций по логике: «Всякий, кто может описать предметы своего опыта, обладает опытом» (AA 24, S. 236). Однако Кант также проводит строгие различия между опытом-созерцанием и опытом-восприятием, которые не только предполагают, что опыт является чем-то *большим*, чем просто созерцание или восприятие, но и позволяют нам разделять опытное содержание от индексального и перцептуального содержания. Кант развивает эти различия следующим образом:

...категории посредством созерцания доставляют нам познание вещей только через их возможное применение по отношению к *эмпирическому созерцанию*, то есть служат только для возможности эмпирического познания. А последнее называется *опытом* (B 147; Кант, 2006а, с. 221).

...опыт возможен не только посредством восприятия, но понятия должны быть добавлены к нему, поэтому в основе должны лежать априорные понятия, посредством которых я могу подвести восприятия под понятия (AA 29, S. 798).

Созерцать не означает обладать опытом. Опыт — это познание, которое мы имеем об объекте созерцания. Следовательно, сюда относится мышление, которое можно рассмотреть особенно. Мышление составляет одну часть опыта, поскольку рассудок принимает в нем участие. Созерцание — это часть опыта, поскольку в нем принимает участие чувственность (AA 29, S. 800).

tuition is always sensible, not discursive. Otherwise the view is more or less doomed to blur Kant's fundamental distinction between sensibility and understanding and their unique and separable cognitive contributions.

Similar results can be achieved by analysing another seemingly unproblematic notion, namely *experience (Erfahrung)*. On one construal of 'experience', Kant thinks that experience requires (a certain kind of) judgment (e.g. *Prol.*, AA 04, p. 300; Kant, 2002b, p. 94). This again turns things upside down, because such a requirement makes experience itself judgmental. Indeed, one consequence of this appears to be that experience in the strict sense depends on the capacity to describe the contents of one's representations, or as Kant has been reported to have said in one of his lectures on logic: "Anyone who can describe the objects (*Gegenstände*) of his experience has experience" (*V-Lo/Blomberg*, AA 24, p. 236; Kant, 2004, p. 188). However, Kant also makes strict intuition-experience and perception-experience distinctions, which not only suggest that experience is something *more* than mere intuition or perception, but allow us to separate *experiential content* from indexical and perceptual contents. Kant elaborates these distinctions as follows:

[T]he categories do not afford us cognition of things by means of intuition except through their possible application to *empirical intuition*, i.e., they serve only for the possibility of *empirical cognition*. This, however, is called *experience (KrV, B 147; Kant, 2000a, p. 255)*.

[E]xperience is not possible through perception alone, but rather concepts must be added to it, so there must be underlying *a priori* concepts through which I can bring perceptions under concepts (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 798; Kant, 2001, p. 154).

To intuit does not mean to have experience. Experience is a cognition that we have of an object (*Objekt*) of intuition. Thus that requires thinking, which can be considered separately. Thinking constitutes one part of experience, [i.e.] insofar as the understanding plays a part in it. Intuiting [is] a part of experience insofar as sensibility participates in it (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 800; Kant, 2001, p. 154).

Учитывая эти дальнейшие различия, мы можем прежде всего отличить опыт, как его понимал Кант, то есть как связанный с суждениями и категориями, от менее требовательных видов перцептуальных представлений. Во-вторых, мы можем легко допустить, что опытное содержание в кантовском смысле только тогда становится возможным, когда категории применяются к эмпирическому созерцанию или когда восприятия подведены под понятия, но в то же время сохраняется возможность только индексального и чувственного содержания представлений. Интересно не только то, что многие наши современники были бы склонны отождествить последние виды перцептуального содержания как достаточные для перцептуального опыта (см., например: Dretske, 2002; Martin, 2003, p. 239–242), но и то, что понятие опыта у Канта может легко толковаться и тем, и другим способом независимо от его терминологического выбора.

6. Еще одно примечание о разделении созерцания и мышления у Канта

Упускать из виду основополагающую репрезентативную функцию созерцания означает искажать как учение Канта о познании, так и его взгляды на человеческий ум в целом. Вообще говоря, существует тенденция втиснуть учение Канта о перцептуальных представлениях в двухуровневую картину¹⁹. Под этим я подразумеваю такой взгляд, при котором, с одной стороны, существуют чувственные данные без представлений, а с другой — подлинное представление, предположительно вызываемое способностью на основе этих данных оперировать понятиями. Тем не менее для того, чтобы описать реальные взгляды Канта, явно понадобятся три уровня: перцептуальное представление не может быть правильно объяснено путем прямого перехода от ощущения или впечатления к понятийному мышлению; также необходимо эмпирическое созерцание с его уникальной функцией представления. Как Кант явно хочет показать, созерцание — это способ представления: не мышление и не просто получение чувственных данных. Когда вы созерцаете, вы устанавливаете отношения между вещами и самим собой. Это то, для чего в конечном счете нужно «внешнее чувство» (см.: A 22 /

¹⁹ Ср. с критикой Бёрджем взглядов Селларса на восприятие и взглядов Дэвидсона на объективное представление (Burge, 2010, p. 139, n. 4, 270, 433–436). См. также: (Allais, 2009, p. 397–398).

Given these further distinctions, we may, first of all, distinguish experience as Kant saw it, as judgmental and categorial, from less-demanding kinds of perceptual representation. Secondly, we may easily admit that experiential content in Kant's sense only becomes possible when the categories are applied to empirical intuitions, or when perceptions are brought under concepts, yet maintain the possibility of merely indexical and sensible representational contents at the same time. The interesting thing is that not only would many of our contemporaries be inclined to identify the latter kinds of perceptual content as sufficient for perceptual experience (see e.g. Dretske, 2002; Martin, 2003, pp. 239–242) but that Kant's account can easily accommodate both notions of experience regardless of his terminological choices.

6. A Further Note on Kant's Intuiting-Thinking Distinction

To overlook the fundamental representational function of intuition is to distort both Kant's account of cognition and his view of the human mind in general. Broadly speaking, there is a tendency to squeeze Kant's account of perceptual representation into a two-level picture.¹⁸ By this I mean the kind of view in which there is non-representational sensory intake, on the one hand, and genuine representation, presumably effected by the conceptual capacities on the basis of the former, on the other. Yet depicting Kant's real view clearly requires three levels: perceptual representation cannot be properly explained by going directly from sensation or impression to conceptual thought; what one also needs is empirical intuition with its unique kind of representational function. As Kant clearly wants to have it, intuition is a way of representing — not thinking but not mere sensory input either. When you intuit, you establish relations between things and yourself. This is what “outer sense” is ultimately for (see *KrV*, A 22 / B 37; Kant, 2000a, p. 157; *Refl* 6315, AA 18, p. 619; Kant, 2005a, p. 361). Moreover, it is hardly the case that Kant thinks that we need to use concepts or make judgments in order

¹⁸ Cf. Burge's criticisms of Sellars' view of perception and Davidson's view of objective representation (Burge, 2010, pp. 139n4, 270, 433–436). See also Allais, 2009, pp. 397–398.

В 37; Кант, 2006а, с. 93; АА 18, S. 619, № 6315; Кант, 2000, с. 290). Более того, вряд ли Кант считает, что нам нужно использовать понятия или составлять суждения, чтобы наши перцептуальные представления соответствовали минимальным критериям успешности. В целом двухуровневая картина не в состоянии оценить тонкость позиции Канта. В частности, она упускает возможность, может быть, верно расценивать чувственность как представляющую саму по себе, указывая на то, что можно назвать перцептуальной объективацией²⁰. Просто этот тип минимальной объективности не следует отождествлять с уровнем объективности, который может быть достигнут путем рефлексии и суждений. Напротив, перцептуальная объективация должна противопоставляться объективной представляющей силе чувства, которая, по мнению Канта, была бы нулевой (см., напрмер: В 66; Кант, 2006а, с. 127–129). Кто-то может по-прежнему хотеть утверждать, что тот вид объективности высшего порядка, который познавательным выводом нас за пределы непосредственного восприятия, тем не менее есть надлежащий вид объективности и для Канта, если не отождествлять не-понятийные перцептуальные представления в кантовском смысле исключительно с восприимчивостью или только лишь субъективностью.

Благодарности. Спасибо Олли Коистинену, Арто Репо, Колину Маршаллу и Матиасу Биреру за их полезные комментарии к ранним версиям этого эссе, а также анонимному рецензенту этого журнала.

Список литературы

Кант И. Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда). Продолжение / публ. и пер. с нем. И. Д. Кошцева // Кантовский сборник. 1993. Т. 17. С. 129–145.

Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Соч. : в 8 т. Т. 2. М. : Чоро, 1994а. С. 23–40.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. Т. 4. М. : Чоро, 1994б. С. 5–152.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. Т. 7. М. : Чоро, 1994в. С. 137–376.

Кант И. Логика, 1800 // Соч. : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994г. С. 266–398.

²⁰ О понятии перцептуальной объективации см.: (Burge, 2010). Из теории Бёрджа, которая значительно превосходит все то, что когда-либо описывало теорию восприятия Канта, я заимствую только эту основную идею.

to meet the minimum success criteria for perceptual representation. In all, the two-level picture fails to appreciate the subtlety of Kant's position. In particular, the two-level picture overlooks the possibility that sensibility might be correctly regarded as representational in itself, indicating what might be called perceptual objectification.¹⁹ It is just that this kind of minimal objectivity should not be identified with the level of objectivity that can be achieved through reflection and judgment. Instead, perceptual objectification should be contrasted with the objective representational power of feeling, which on Kant's view would be zero (see e.g. *KrV*, B 66; Kant, 2000a, pp. 188-189). One might still want to hold that the kind of higher-order objectivity that takes us cognitively beyond immediate perception is nevertheless the proper kind of objectivity for Kant too, as long as one does not identify non-conceptual perceptual representation in Kant's sense with sheer receptivity or mere subjectivity.

Acknowledgements. Thanks to Olli Koistinen, Arto Repo, Colin Marshall, and Mathias Birrer for making helpful comments to the earlier versions of this essay, with additional thanks to the anonymous referee of this journal.

References

Allais, L., 2009. Kant, Non-Conceptual Content and the Representation of Space. *Journal of the History of Philosophy*, 47(3), pp. 383-413.

Allais, L., 2016. Conceptualism and Nonconceptualism in Kant: A Survey of the Recent Debate. In: D. Schulting, ed. 2016. *Kantian Nonconceptualism*. London: Palgrave, pp. 1-25.

Allison, H.E., 1973. *The Kant-Eberhard Controversy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Allison, H. E., 1985. The Originality of Kant's Distinction between Analytic and Synthetic Judgments. In: R. Kennington, ed. 1985. *The Philosophy of Immanuel Kant*. Washington: Catholic University of America Press, pp. 15-38.

Bermúdez, J., Cahen, A., 2015. Nonconceptual Mental Content. In: E.N. Zalta, ed. 2015. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, [online]. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/content-nonconceptual/> [Accessed 28 October 2018].

Burge, T., 2009. Perceptual Objectivity. *The Philosophical Review*, 118(3), pp. 285-324.

Burge, T., 2010. *Origins of Objectivity*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁹ For the notion of perceptual objectification, see Burge, 2010. I only borrow this core idea from Burge's theory, which greatly surpasses what was ever accounted for in Kant's theory of perception.

- Kant I.* Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Kant I.* Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 4. М. : Наука, 2001а. С. 68–833.
- Kant I.* Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 4. М. : Наука, 2001б. С. 834–959.
- Kant I.* Критика чистого разума, 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 1. М. : Наука, 2006а.
- Kant I.* Критика чистого разума, 1-е изд. (А) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 2. М. : Наука, 2006б.
- Kant I.* Метафизика нравов. Вторая часть // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5. Ч. 2. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. С. 17–428.
- Allais L. Kant, Non-Conceptual Content and the Representation of Space // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47, №3. P. 383–413.
- Allais L. Conceptualism and Nonconceptualism in Kant: A Survey of the Recent Debate // *Kantian Nonconceptualism* / ed. by D. Schulting. L. : Palgrave, 2016. P. 1–25.
- Allison H. E. The Kant – Eberhard Controversy. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1973.
- Allison H. E. The Originality of Kant’s Distinction between Analytic and Synthetic Judgments // *The Philosophy of Immanuel Kant* / ed. by R. Kennington. Washington : Catholic University of America Press, 1985. P. 15–38.
- Bermúdez J., Cahen A. Nonconceptual Mental Content // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2015. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/content-nonconceptual/> (дата обращения: 28.10.2018).
- Burge T. Perceptual Objectivity // *The Philosophical Review*. 2009. Vol. 118, №3. P. 285–324.
- Burge T. *Origins of Objectivity*. Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Crowther T. M. Two Conceptions of Conceptualism and Nonconceptualism // *Erkenntnis*. 2006. Vol. 65, №2. P. 245–276.
- Dickerson A. B. *Kant on Representation and Objectivity*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Dretske F. *Conscious Experience* // *Vision and Mind. Selected Readings in the Philosophy of Perception* / ed. by A. Noë, E. Thompson. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 419–442.
- Falkenstein L. *Kant’s Intuitionism. A Commentary on the Transcendental Aesthetic*. Toronto : University of Toronto Press, 1995.
- Ginsborg H. Kant and the Problem of Experience // *Philosophical Topics*. 2006. Vol. 34, №1–2. P. 59–106.
- Ginsborg H. Was Kant a Non-Conceptualist? // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 137, №1. P. 65–77.
- Golob S. Kant on Intentionality, Magnitude, and the Unity of Perception // *European Journal of Philosophy*. 2014. Vol. 22, №4. P. 505–528.
- Gomes A. Kant on Perception: Naïve Realism, Non-Conceptualism and the B-Deduction // *Philosophical Quarterly*. 2014. Vol. 64 (254). P. 1–19.
- Crowther, T. M., 2006. Two Conceptions of Conceptualism and Nonconceptualism. *Erkenntnis*, 65(2), pp. 245-276.
- Dickerson, A. B., 2004. *Kant on Representation and Objectivity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dretske, F., 2002. Conscious Experience. In: A. Noë, E. Thompson, eds. 2002. *Vision and Mind. Selected Readings in the Philosophy of Perception*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 419-442.
- Falkenstein, L., 1995. *Kant’s Intuitionism. A Commentary on the Transcendental Aesthetic*. Toronto: University of Toronto Press.
- Ginsborg, H., 2006. Kant and the Problem of Experience. *Philosophical Topics*, 34(1-2), pp. 59-106.
- Ginsborg, H., 2008. Was Kant a Non-Conceptualist? *Philosophical Studies*, 137(1), pp. 65-77.
- Golob, S., 2014. Kant on Intentionality, Magnitude, and the Unity of Perception. *European Journal of Philosophy*, 22(4), pp. 505-528.
- Gomes, A., 2014. Kant on Perception: Naïve Realism, Non-Conceptualism and the B-Deduction. *Philosophical Quarterly*, 64(254), pp. 1-19.
- Griffith, A. M., 2012. Perception and the Categories: A Conceptualist Reading of Kant’s *Critique of Pure Reason*. *European Journal of Philosophy*, 20(2), pp. 193-222.
- Grüne, S., 2009. *Blinde Anschauung. Die Rolle von Begriffen in Kants Theorie Sinnlicher Synthesis*. Frankfurt am Mein: Klostermann.
- Gunther, Y. H., 2003. General Introduction. In: Y. H. Gunther, ed. 2003. *Essays on Nonconceptual Content*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-19.
- Hanna, R., 2001. *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
- Hanna, R., 2005. Kant and Nonconceptual Content. *European Journal of Philosophy*, 13(2), pp. 247-290.
- Hanna, R., 2008. Kantian Non-Conceptualism. *Philosophical Studies*, 137, pp. 41-64.
- Hanna, R., 2011. Beyond the Myth of the Myth: A Kantian Theory of Non-Conceptual Content. *International Journal of Philosophical Studies*, 19(3), pp. 323-398.
- Heck, R. G. Jr., 2000. Nonconceptual Content and the ‘Space of Reasons’. *The Philosophical Review*, 109(4), pp. 483-523.
- Hintikka, J., 1969. On Kant’s Notion of Intuition (*Anschauung*). In: T. Penelhum and J. J. MacIntosh, eds. 1969. *The First Critique. Reflections on Kant’s Critique of Pure Reason*. Belmont: Wadsworth, pp. 38-53.
- Kant, I., 1999. *Correspondence*. Translated and edited by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000a. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000b. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews, edited by P. Guyer. New York: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000c. *First Introduction to the Critique of the Power of Judgment*. In: I. Kant, 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews, edited by P. Guyer. New York: Cambridge University Press, pp. 1-51.

- Griffith A. M. Perception and the Categories: A Conceptualist Reading of Kant's *Critique of Pure Reason* // *European Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 20, №2. P. 193–222.
- Grüne S. *Blinde Anschauung. Die Rolle von Begriffen in Kants Theorie Sinnlicher Synthesis*. Frankfurt a/M : Klostermann, 2009.
- Gunther Y. H. General Introduction // *Essays on Nonconceptual Content* / ed. by Y. H. Gunther. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 1–19.
- Hanna R. Kant and the Foundations of Analytic Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 2001.
- Hanna R. Kant and Nonconceptual Content // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13, №2. P. 247–290.
- Hanna R. Kantian Non-Conceptualism // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 137. P. 41–64.
- Hanna R. Beyond the Myth of the Myth: A Kantian Theory of Non-Conceptual Content // *International Journal of Philosophical Studies*. 2011. Vol. 19, №3. P. 323–398.
- Heck R. G. Jr. Nonconceptual Content and the 'Space of Reasons' // *The Philosophical Review*. 2000. Vol. 109, №4. P. 483–523.
- Hintikka J. On Kant's Notion of Intuition (*Anschauung*) // *The First Critique. Reflections on Kant's Critique of Pure Reason* / ed. by T. Penelhum, J. J. MacIntosh. Belmont : Wadsworth, 1969. P. 38–53.
- Longuenesse B. Kant and the Capacity to Judge. Sensibility and Discursivity in the Transcendental Analytic of the Critique of Pure Reason / transl. by C. T. Wolfe. Princeton : Princeton University Press, 2000.
- Marshall C. Does Kant Demand Explanations for All Synthetic A Priori Claims? // *Journal of the History of Philosophy*. 2014. Vol. 52, №3. P. 549–576.
- Martin M. Perception, Concepts, and Memory // *Essays on Nonconceptual Content*. Ed. by Y. H. Gunther. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 237–250.
- McDowell J. *Mind and World. With a New Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
- McDowell J. *Having the World in View. Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- McLear C. Kant on Animal Consciousness // *Philosophers' Imprint*. 2011. Vol. 11, №15. P. 1–16. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0011.015> (дата обращения: 08.11.2018).
- McLear C. Two Kinds of Unity in the Critique of Pure Reason // *Journal of the History of Philosophy*. 2015. Vol. 53, №1. P. 79–110.
- McLear C. Kant on Perceptual Content // *Mind*. 2016. Vol. 125 (497). P. 95–144.
- Naragon S. Kant on Descartes and the Brutes // *Kant-Studien*. 1990. Vol. 81, №1. P. 1–23.
- Onof C., Schulting D. Space as Form of Intuition and as Formal Intuition: On the Note to B 160 in Kant's *Critique of Pure Reason* // *Philosophical Review*. 2015. Vol. 124, №1. P. 1–58.
- Kant, I., 2001. *Lectures on Metaphysics*. Translated and edited by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002a. *On a Discovery Whereby Any New Critique of Pure Reason Is to Be Made Superfluous by an Older One*. Translated by H. Allison. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 281-336.
- Kant, I., 2002b. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. Translated by G. Hatfield. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 48-169.
- Kant, I., 2004. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2005a. *Notes and Fragments*. Translated by C. Bowman, P. Guyer and F. Rauscher, edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2005b. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 2005. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-603.
- Kant, I., 2007. *The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures*. In: I. Kant, *Theoretical Philosophy 1755–1770*. Translated and edited by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 85-105.
- Kant, I., 2009. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated by R. B. Loudon. In: G. Zöllner and R. B. Loudon, eds. 2009. *Anthropology, History, and Education*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 231-429.
- Longuenesse, B., 2000. *Kant and the Capacity to Judge. Sensibility and Discursivity in the Transcendental Analytic of the Critique of Pure Reason*. Translated by C. T. Wolfe. Princeton: Princeton University Press.
- Marshall, C., 2014. Does Kant Demand Explanations for All Synthetic A Priori Claims? *Journal of the History of Philosophy*, 52(3), pp. 549-576.
- Martin, M., 2003. Perception, Concepts, and Memory. In: Y. H. Gunther, ed. 2003. *Essays on Nonconceptual Content*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 237-250.
- McDowell, J., 1996. *Mind and World. With a New Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McDowell, J., 2009. *Having the World in View. Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McLear, C., 2011. Kant on Animal Consciousness. *Philosophers' Imprint*, 11(15), pp. 1-16, [online]. Available at: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0011.015> [Accessed 8 November 2018].
- McLear, C., 2015. Two Kinds of Unity in the Critique of Pure Reason. *Journal of the History of Philosophy*, 53(1), pp. 79-110.
- McLear, C., 2016. Kant on Perceptual Content. *Mind*, 125(497), pp. 95-144.
- Naragon, S., 1990. Kant on Descartes and the Brutes. *Kant-Studien*, 81(1), pp. 1-23.

Rohs P. Bezieht sich nach Kant die Anschauung unmittelbar auf Gegenstände? // Kant und die Berliner Aufklärung: Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses / hrsg. von V. Gerhardt, R.-P. Horstmann, R. Schumacher. Bd. 2. Berlin: De Gruyter, 2001. S. 214–228.

Speaks J. Is There a Problem about Nonconceptual Content? // The Philosophical Review. 2005. Vol. 114, № 3. P. 359–398.

Tolley C. The Non-Conceptuality of the Content of Intuitions: A New Approach // Kantian Review. 2013. Vol. 18, №1. P. 107–136.

Tomaszewska A. Is Perception Concept-Dependent According to Kant? // Diametros. 2008. Vol. 15. P. 57–73.

Toribio J. State Versus Content: The Unfair Trial of Perceptual Nonconceptualism // Erkenntnis. 2008. Vol. 69, №3. P. 351–361.

Waxman W. Kant's Model of the Mind. A New Interpretation of Transcendental Idealism. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Wenzel C. Spielen nach Kant die Kategorien schon bei der Wahrnehmung eine Rolle? Peter Rohs und John McDowell // Kant-Studien. 2005. Vol. 96, №4. S. 407–426.

Об авторе

Хеммо А. Лайхо, доктор философии, научный сотрудник, Институт перспективных исследований Турку, отделение философии, современной истории и политологии, факультет социальных наук, Университет Турку, Финляндия.

E-mail: heanla@utu.fi

О переводчике

Александр Сергеевич Киселев, студент бакалавриата направления «Философия», академический ассистент Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AlSKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Лайхо Х. А. Типы содержания представлений у Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 1. С. 31–54. doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-2

Onof, C. and Schulting, D., 2015. Space as Form of Intuition and as Formal Intuition: On the Note to B 160 in Kant's *Critique of Pure Reason*. *Philosophical Review*, 124(1), pp. 1-58.

Rohs, P., 2001. Bezieht sich nach Kant die Anschauung unmittelbar auf Gegenstände? In: V. Gerhardt, R.-P. Horstmann and R. Schumacher, eds. 2001. *Kant und die Berliner Aufklärung. Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses. Band 2*. Berlin: De Gruyter, pp. 214-228.

Speaks, J., 2005. Is There a Problem about Nonconceptual Content? *The Philosophical Review*, 114(3), pp. 359-398.

Tolley, C., 2013. The Non-Conceptuality of the Content of Intuitions: A New Approach. *Kantian Review*, 18(1), pp. 107-136.

Tomaszewska, A., 2008. Is Perception Concept-Dependent According to Kant? *Diametros*, 15, pp. 57-73.

Toribio, J., 2008. State Versus Content: The Unfair Trial of Perceptual Nonconceptualism. *Erkenntnis*, 69(3), pp. 351-361.

Waxman, W., 1991. *Kant's Model of the Mind. A New Interpretation of Transcendental Idealism*. Oxford: Oxford University Press.

Wenzel, C., 2005. Spielen nach Kant die Kategorien schon bei der Wahrnehmung eine Rolle? Peter Rohs und John McDowell. *Kant-Studien*, 96(4), pp. 407-426.

The author

Dr Hemmo A. Laiho, Postdoctoral Researcher, Turku Institute for Advanced Studies, Department of Philosophy, Contemporary History and Political Science, Faculty of Social Sciences, University of Turku, Finland.

E-mail: heanla@utu.fi

To cite this article:

Laiho, H. A., 2019. Types of Representational Content in Kant. *Kantian Journal*, 38(1), pp. 31-54. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-1-2>